

СЕРИЯ «БОСИКОМ ПО ЛУЖАМ»
НАТАЛЬЯ АВЕРКИЕВА

РАЗРЕШИ СЕБЯ ЛЮБИТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИГА 4

Наталья Аверкиева
Разреши себя любить
Серия «Босиком по лужам», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43615144

SelfPub; 2020

Аннотация

Он любил ее много лет. Он был ее другом, братом, стеной и спасательным кругом. И сейчас перед ним сложный выбор – пойти против всех и потерять всё, но завоевать женщину своей мечты, которая, возможно, никогда не сможет полюбить его, или оставить всё как есть, а потом жалеть, что упустил такую возможность. На одной чаше весов его отношения с братом и друзьями, свадьба с очень выгодной невеста, способной вознести его на вершину Олимпа или до основания разрушить карьеру. На другой – любимая женщина с чужими детьми, нищета и полное забвение. Нарушить табу или всю жизнь посыпать голову пеплом? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Под крылом божественного ветра	5
Глава 1	6
Глава 2	39
Глава 3	76
Глава 4	111
Глава 5	138
Глава 6	172
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Серия «Босиком по лужам»

Книга 1. Босиком по лужам

Книга 2. В тени твоих ресниц

Книга 3. Город пахнет тобою...

Книга 4. Разреши себя любить

Shutterstock (с) изображение на обложке лицензионное, с разрешением на коммерческое использование

Под крылом божественного ветра

*Возможно, когда-то было время,
Когда бы я позволил тебе уйти,
Я бы даже не пытался, но я думаю,
Ты могла бы спасти мою жизнь...
Просто не бросай меня,
Я не подведу тебя,
Нет, я не подведу тебя...
Просто не переставай верить,
Я все утрясу.
Пожалуйста, не сдавайся,
Я не подведу тебя...*

Whataya Want From Me (c) Adam Lambert

Глава 1

Я заехал в офис забрать накопившиеся бумаги. И хотя все дела можно было отложить на понедельник, а вечер пятницы и выходные провести исключительно в постели, изредка отвлекаясь на пожрать и переключить канал, какая-то неведомая сила тянула на работу. Наверное, я просто соскучился по брату, которого не видел больше трех месяцев, или по нашей дуре-секретарше, единственными достоинствами которой были забавный заразительный смех и точеная фигурка, а может по ребятам-звукорежиссерам, с которыми мы любили выпить пива после затянувшейся записи. Впрочем, время было поздним, и вряд ли я кого-то из них сейчас встречу на рабочем месте, надо просто окинуть взглядом офис, и, наконец-то, почувствовать себя дома.

Как ни странно, но в конторе кто-то был.

– Ой, Дэн, я так рада тебя видеть! – всплеснула ручками Тина. – Мы не ждали тебя сегодня.

Я улыбнулся.

– Тина, сделай мне кофе и подготовь документы, как я просил утром, – мимоходом кинул я ей, проходя в свой кабинет.

– Да-да, – торопливо закивала она. – Сейчас все будет.

Я опустил в кресло и закинул ноги на стол. Наконец-то

дома. В родной постели. Со Сью под боком. Сейчас только посмотрю, что тут в мое отсутствие произошло, и домой, к Сьюзен, в постель.

– Дэн, я всё подготовила еще днем, как ты просил, – Тина положила на стол пухлую папку. – Тут договора, письма... Ну, в общем, сам разберешься.

– Что у нас произошло, пока я отсутствовал? – крикнул я ей в спину. Нос щекотал запах свежеприготовленного кофе.

Тина гремела посудой и что-то говорила мне. Я не понимал ни слова. Открыл папку – несколько писем, какие-то запросы, договора, счета... Последние мне нравились меньше всего.

Девушка, грациозно покачивая бедрами, вошла в кабинет, неся на подносе чашку кофе и вазочку с печеньем.

– Господин начальник, всё, как вы просили, – сладко протянула она.

Я убрал папку подальше.

– Так что у нас произошло интересного? – повторил.

– Все как обычно. – Тина мялась и отводила взгляд в сторону.

– Хм... А из необычного что произошло?

– Я выхожу замуж, – покраснела до кончиков ушей.

– Оооо, это круто! – протянул я, широко улыбаясь. – Поздравляю.

– Я хотела бы, чтобы ты был почетным гостем на нашей свадьбе с Тилли.

– Обязательно буду. Когда?

– Через три недели, – оживилась тут же. Протянула пригласительный. Я, не глядя, спрятал его в карман джинс.

– Хорошо. Что тебе подарить?

Она мечтательно посмотрела в потолок.

– Не знаю, Дэн. Мы еще не думали с Тилли об украшениях. Может быть ты возьмешь на себя эту статью расходов?

– Идет, – кивнул я. Дьявол, кто тянул меня за язык?! – Тилли отличный парень. Тебе с ним очень повезло.

– Спасибо, Дэн. Я сама не верю своему счастью, – с волнением прикрыла она ротик пальчиками и зажмурилась от удовольствия. – Можно я пойду? Рабочий день давно закончился.

– Конечно, беги. Извини, что задержал.

– Ничего. Ты только на свадьбу приходи. Я буду тебя ждать. И офис... Надо только закрыть... Я все проверила, все выключила...

– Беги, – снисходительно улыбнулся я.

Тина быстро покинула сначала мой кабинет, потом наш офис. Бедный Тилли. Это наш новый менеджер, который занимался связями с общественностью. Он пришел на место Мари, когда та забеременела. Бедняжка, беременность далась ей тяжело, несмотря на то, что она изо всех сил старалась держаться и особо не капризничала. По крайней мере, Тиль не рассказывал ничего о каких-то ее особых прихотях. Мама говорила, что тоже тяжело носила нас с братом, ее по-

стоянно тошнило, она плохо себя чувствовала. У Мари была угроза выкидыша, поэтому она не могла работать и большую часть беременности провела в больнице. Не знаю, что пошло не так, почему врачи не доглядели, но родила она на полтора месяца раньше срока. Наверное, Тиль очень счастлив в новой роли. Я постоянно с ними созванивался. Брат так тепло отзывался о детях... Кхм, надо же, и на нашу пустоголовую Тину кто-то клюнул. Остается только посочувствовать ее избраннику. Хе-хе, Тилли, ты серьезно попал, парень. Надеюсь, что она тоже скоро забеременеет и свалит от нас. В тот день я напояю от счастья всю контору!

Я смотрел на часы. Начало девятого. Если выехать сейчас, то в девять я уже буду у брата, лично поздравлю Мари и потискаю близнецов. Со слов мамы и счастливой бабушки – мальчишки вылитые мы в детстве. Хотя что-то светлое в нашей черной жизни... Последние пару лет у нас ничего не ладилось. Группа распалась, концертов не было, какие-то «гениальные» проекты брата не принесли никакого дохода, сплошные расходы, которые затянули нас в долговую кабалу. Хаген и Клаус играли в других группах – им тоже надо было как-то кормить свои семьи. Я плюс-минус успешно занимался продюсированием одной группы, мотался с ними в туры, договаривался о концертах, занимался рекламой (пока Мари болела, и мы не нашли нашего очкарика Тилли). На совести Тиля осталась студия. Впрочем, совести у Тиля не было, поэтому я еще занимался делами в студии, заключал договора,

приглашал исполнителей на начальном этапе. Сейчас-то чаще они за мной бегают, чем я за ними. Тиль... А вот Тиль пустился во все тяжкие. Ему как будто оторвало голову. Беспорядочные связи, алкоголь, слава богу, обошлось без наркоты. Брат сорил деньгами, спускал их в казино, тратил на блядей, регулярно попадал в хронику происшествий... Берлин гудел, газетчики обсасывали кости брата. Я врал Мари, что все это ложь, как мог выгораживал близнеца. Мари вроде бы верила, по крайней мере про измены она ничего не знала, всегда улыбалась и шутила, с обожанием смотрела на Тиля, закрывая глаза на его «взрыв мозга». У них все было хорошо. Они жили в просторном доме недалеко от озера Зедднерзее в Вильденбрухе. Очень хорошее место для малышей – воздух чистый и цивилизация близко. Мы со Сью часто гостили у них – дом большой, мы с братом пропадали на работе, нашим девочкам было о чем поговорить-посплетничать.

Кое-как справившись с подарочными коробками, я позволил.

– Ни за что не догадаешься, кого я встретил по дороге! – радостно выдал я Мари, которая открыла дверь. – А по дороге я встретил... – Я выглянул из-за коробок и чуть не выронил их из рук. Передо мной стояла... – Тина?

– Привет, Дэн! Ой, мы уже здоровались! Ах, это все мне? Какой же ты классный! – зачирикала она. – Спасибо тебе огромное! Это так мило с твоей стороны!

– Что ты тут делаешь? – прищурился я, уворачиваясь от

протянутых рук.

– Живу, – обиженно выпятила она губки.

Я посмотрел на дверь, на сад и даже отошел чуть дальше и посмотрел на дом. Нет, это дом Тиля. Вон и розы под окном, которые я помогал сажать Мари прошлой осенью.

– Что ты тут делаешь? – переспросил я.

– Живу, – широко улыбнулась она. – Да ты проходи. Сама только что пришла. Если бы я знала, что ты поедешь к Тилли, то подождала бы, пока ты закончишь дела.

– Тилли? – вкрадчиво спросил я, чувствуя себя главным героем *Verstehen Sie Spass*.

– Ну да, Тилли. Мы живем вместе...

Я аккуратно положил коробки у входа и вошел в дом, решительно отодвинув девушку.

– Тиль! Мари! Черт вас побери! Это совершенно не смешно! – неся я в гостиную. – Где вы? Мари! Тиль!

Тиль выглянул из столовой. Вытер руки о перекинутое через плечо полотенце.

– Дэн! Вернулся! Прости, брат, не ждал тебя сегодня. Привет! – Тиль обнял меня и похлопал по плечу. – Очень рад тебя видеть.

– Взаимно, – выдохнул я. – Что за черт тут происходит? Что за тупой развод?

– Все нормально. Ты чего? – рассмеялся он. – Пойдем ужинать. Тина сказала, что ты остался на работе. Я не думал, что ты к нам заедешь. Она меня даже не предупредила.

К нам?

Тина тенью просочилась на кухню и принялась что-то накладывать в тарелки. Я смотрел, как она по-хозяйски лазит в полки и достает посуду, как открывает холодильник, как хлопает дверца микроволновки... Я смотрел и ни черта не понимал.

– Мари опять в больнице? – спросил я. Это была единственно правильная мысль, как мне показалось.

– Не знаю, – пожал плечами брат. – Расскажи лучше, как съездил? Как все прошло? Что думаешь?

– Нормально съездил. Все хорошо. Ребята отлично отработали. А где Мари? Где дети? Я привез им подарки. Хочу поскорее увидеть наших мальчишек!

– Им? – капризно протянула Тина, оборачиваясь. – Я думала, это для меня.

– Тиль? – нахмурился я.

– Да ну, что говорить о ерунде? – отмахнулся он. – Рассказывай. Как тур?

Это начинало бесить.

– А мы с Тилли уже выбрали мне платье, – похвасталась Тина. – Хочешь покажу? Тилли не покажу, а тебе, как дорогому гостю, покажу!

Тилли... Тилли? Тиль! Я достал из кармана пригласительный.

Дорогие Даниэль и Сюзен! Мы с огромным удовольстви-

ем приглашаем вас на регистрацию нашего брака и посвященное этому событию торжество. Регистрация состоится... *(Что за черт?!)* ...Мы будем рады видеть вас!

Тиль Шенк и Тина Хелзет

– Что за черт, я спрашиваю? Тиль?

Тиль вытянул шею, рассматривая, что я держу в руках.

– Это пригласительный, вроде? – хрумкал он огурцом.

– Пригласительный. Я Дэну его отдала. Дэн сказал, что придет на нашу свадьбу, – поддакнула Тина. – Ой, как же я хочу тебе платье показать! Тилли, а Дэнни решил подарить мне украшение. Я хочу диадему такую... – Она очертила руками нечто над головой. – Ну, ты сам поймешь, какая нужна, когда платье увидишь. И кольцо такое...

Я переводил взгляд с девушки на брата и обратно. Мир сошел с ума? Я сплю? У меня бред? Самолет рухнул и теперь я, мертвый, попал в какую-то параллельную реальность?

– Ты издеваешься? – Я едва не метнул в него вилок.

– Нет. Почему? Это пригласительный на свадьбу. Я буду очень рад видеть вас со Сюзен.

– Мы, Тилли, мы будем очень рады, – ласково поправила его Тина, провела по плечам, прижалась животом к спине.

Нет, это точно какой-то дурацкий розыгрыш. Я облегченно рассмеялся. Абсурдность ситуации не давала никакого шанса допустить, что все это происходит на самом деле. Сейчас откуда-нибудь вылезут ребята из съемочной группы са-

мого тупого в мире шоу, и мы все дружно поржем.

– Как мальчишек назвали? Представляешь, ты уже папа!
Кто бы мог подумать?!

Тиль едва заметно поморщился.

– Понятия не имею.

– То есть?

– Мари поступила очень подло, – вмешалась в разговор Тина. – Она обманула Тилли. Изменила ему. Они расстались. Но ты не переживай. С Тилли все хорошо. Рядом я, и нам очень весело.

– Дебильная шутка, – резко осадил я девушку. – Как она могла ему изменить? Она только родила. И во время беременности я сильно сомневаюсь, что Мария смотрела на сторону. Что за бред? Какая свадьба? Тиль, ты в своем уме?

– Я в своем уме, – рыкнул брат. – Твоя Мари где-то нагуляла детей и теперь хочет, чтобы я их признал. Только у нее ничего не выйдет! Я посчитал. Нашла дурака? Обломайтесь! Пусть проваливает к отцу своих детей!

Я внимательно смотрел на близнеца, пытаюсь понять, в чем подвох. Розыгрыш. Это точно розыгрыш. Исследовал взглядом полки, стараясь увидеть скрытые камеры.

– Дэнни, ты не переживай... – вновь затянула Тина.

– Заткнись, – рявкнул я на нее. – Где Мари и дети?

– Тебе же сказали – мы не знаем, – удрученно взмахнула она ручками и причмокнула губками. – И знать не хотим. Она очень оскорбила Тилли...

Я посмотрел на нее исподлобья. Тина отшатнулась.

– Тилли, скажи ему! – гнусавый голосок рвал мои нервы. – Твой брат совсем помешался на этой русской. А может это его дети?

Хорошо, что она стояла с противоположной стороны длинного обеденного стола. Я заметил, как Тиль поджал губы. Тина словно исподтишка травила его на меня, как глупый хозяин втихаря травит крупную собаку на мелкую шавку. Она ныла какую-то чушь, а глаза брата из карих стали черными. Я и сам чувствовал, как злость закипает в венах. Взял себя в руки. Вытер рот салфеткой и встал из-за стола.

– Ладно, мне пора. Привет Мари передавай. Шикарно разыграли. Высший балл.

Из дома Тиля я вылетел с такой скоростью, словно за мной гнались все псы ады. Хотел пнуть коробки с подарками, которые так и стояли у входа, но передумал – Мари будет неприятно, если они измажутся. Черт, надо было пройтись по комнатам, посмотреть. Наверняка, она где-то сидела и наблюдала за всем по монитору. Они точно меня развели. Там были скрытые камеры. Голову даю на отсечение – развели и теперь ржут все вместе. Надо быть сумасшедшим, чтобы променять Мари на это недоразумение.

В машине выкурил пару сигарет и набрал номер матери. Уж она-то точно в этом цирке участия принимать не будет. Перебросившись с ней парой вежливых фраз и ответив на

стандартные «как дела» и «как съездил», я, собственно, перешел к делу.

– Дэн, я не знаю, что произошло, правда. Мари с близнецами пришла к нам среди ночи. Неделью жила у нас, потом нашла квартиру и уехала.

– Она в Берлине?

– Да. Я при каждом удобном случае стараюсь заехать к ней. Мне район не нравится. Нойкёльн. Там одни турки и арабы. Днем ходить страшно, я молчу про вечера и ночи. Ужасный район, Дэн.

– Это из-за Тины?

– Не знаю. Я последние два месяца живу в каком-то кошмарном сне, который никак не кончится. Пыталась поговорить с Тилем – бесполезно. Сейчас он надумал жениться на этой вертихвостке. Она же глупая, Дэн! Она такая дурная! У нее на уме одни шмотки и ночные клубы!

– Он сказал, что она ему изменила.

Мама недовольно выдохнула в трубку:

– Ему в голову втемяшилось, что близнецы не его. Мол, из-за того, что она родила на полтора месяца раньше, он посчитал, и выяснилось, что они в то время вместе не жили.

– А они не жили вместе? – Я точно попал в какую-то параллельную реальность. Мари же от Тиля не отлипала! А как они смотрели друг на друга! Как они нежничали друг с другом!

– Я не понимаю, что происходит с твоим братом, Дэн. Он

словно с цепи сорвался. Он делает глупость за глупостью. Он разрушает все, что строил долгие годы.

– Где она живет?

– Малонер штрассе, дом двадцать семь, квартира пятнадцать. У нее даже домофона нет, не знаю, как ты попадешь к ней. Я бы на ее месте ночью к входной двери вообще не подходила.

– Я разберусь, мам. Главное, что она в Берлине.

Не знаю, что так напугало маму, но пол-одиннадцатого на Малонер штрассе было многолюдно, весело и почти не страшно. Да, многовато сомнительных личностей, и я бы даже согласился, что не стоило бы девушке одной выходить на улицу в столь поздний час, но, честное слово, все не так критично, как описывала мама. Я припарковался максимально близко к ее дому и ушел с оживленной улицы в темные лабиринты дворов – надо найти подъезд. Вот это задача посложнее.

Подъезд был темным, без единой лампочки, страшным и отчаянно вонючим. Осторожно ощупывая ногами каждую следующую ступень, я светил себе зажигалкой, пока не обжег пальцы. Мысленно я был готов к любому нападению. Почему-то казалось, что сейчас из темноты меня обязательно убьет отверткой какой-нибудь наркоман. С другой стороны – ну что делать наркоману в этом подъезде? Ее квартира оказалась на пятом этаже. Я еще раз проверил цифры на дверях соседей, да, вроде бы эта. Другой тут просто быть не может.

Звонок не работал. Точнее его вообще не было на стене, как и номера на обшарпанной двери. Я постучал кулаком и для надежности достаточно громко сказал (ну и черт, что соседи услышат):

– Мари, это я, Дэн. Я видел, что ты дома. – На самом деле я ничего не видел, но не хотелось стоять под дверью просто так.

За дверью никакой жизни не слышалось. Я постучал сильнее и громче крикнул:

– Ты дома, я все видел. Открывай.

– Кто там? – раздалось из глубины квартиры.

– Дэн, Мари. Это я. Уже полчаса долблюсь в дверь.

– Дэн? Сейчас, подожди минуту.

Как-то я не подумал – а вдруг она не одна, а тут я приперся... Вдруг она с парнем? В свете последних событий, кажется, надо уже завязывать с удивлением.

Мари открыла дверь минут через пять, я уж опять решил напомнить ей о себе.

– Прости, дорогой, я с Алексом воевала, – улыбнулась как-то затравленно. На руках она держала маленького голого карапуза. Губы сами собой расплылись в улыбке. Я перешагнул порог и протянул к ребенку руки.

– Помыть надо, – увернулась Мари. – Проходи. Прости, я не ждала никого, тут немного неубрано.

Я скинул туфли и проследовал за ней по узкому коридорчику.

– Туда, – кивнула она в сторону. Я посмотрел в указанном направлении, и мой нос уперся в дверь. Если открыть дверь со стороны входной двери, то она полностью перекроет коридор, и в туалет ты уже не попадешь. Это стало для меня очередным неприятным открытием. Кое-как повозившись с дверью, я добрался до ванной, вымыл руки и наконец-то попал в гостиную. Она же спальня. Она же детская. Она же столовая. Она же кабинет. Она же кладовка. В кроватке руками дрыгал еще один голопузик. Перед ним висела гирлянда из игрушек. Он задевал ее, игрушки позвякивали, малыш пускал пузыри и издавал какие-то странные звуки. Мари торопливо собирала развешенные по всей комнате пеленки. Вторым мальчик лежал на ее кровати. Он явно был недоволен, что его оставили без внимания.

– Можно? – подошел я к нему.

– Только головку придерживай. – Мари помогла мне взять ребенка на руки. – И, Дэн, осторожней, он может тебя описать. Подожди.

Она схватила одну пеленку, быстро ее свернула и проложила мальчику между ног.

– Ну, если отреагируешь быстрее, то шансы остаться сухим у тебя есть. Небольшие, но есть.

Казалось, все это такие мелочи... Я держал на руках человека. Маленького, живого. Как-то по-особенному пахнущего. Человек внимательно смотрел на меня темными глазами. Его малюсенькие пальчики с крошечными ноготками

сжимали мой палец, который казался совершенно неприличных размеров. Губки причудливо изогнуты. Уши... Я смотрел и улыбался – уши наши, породистые – маленькие, аккуратные, с тонкой мочкой. Темные волоски торчали ежиком на голове. Заметив это, я засмеялся – прическа папина. Провел пальцем по голове. В черепе была какая-то пульсирующая дырка!

– Мари! У него это!!! – подлетел я к ней, боясь сдвинуть палец с места и потерять «находку».

Мари оторвалась от второго ребенка, нахмурилась.

– Дырка! Вот тут! Дыра! Посмотри! Там же мозг! Там нет кости! Мозг можно повредить!

– Шенк, это у тебя мозг повредился, – фыркнула она. – Это родничок. Он только к году затянется.

– Это не опасно?

– Нет, конечно.

Я облегченно сел рядом с ними на диван, прижимая к себе ребенка.

– Как их зовут?

– У тебя на руках Александр, а это Михаил.

– Алекс и Михи... А кто старше?

– Александр. На десять минут.

Я с гордостью посмотрел на человека на своих коленях.

– Александр. Александр Шенк.

– У него моя фамилия, – тихо, едва слышно сказала она.

Я сделал вид, что не услышал. У них будет наша фамилия.

И это не обсуждается.

– Красивые имена.

Она улыбнулась и кивнула.

– Поможешь мне их покупать и уложить? У них колики. Только вот перед твоим приходом орать перестали. Думала, свихнусь.

– Могла даже не спрашивать, – пришла моя очередь фыркать.

– Присмотри за Михи. Я ванную им сделаю.

Михи лежал на животе и силился поднять головку. На попе две очаровательные ямочки в районе крестца. Точно такие же у Тиля на заднице.

Процесс купания был смешон. Дети лежали у нас на руках, а мы с Мари устроили им морской бой – возили туда-сюда из одного конца ванны в другой, слегка сталкивали, как корабли в море. Я нес какую-то ерунду, на ходу придумывая сказку. Алекс смотрел на меня, но ни тени улыбки не возникало на его серьезном личике. Михи был веселей. Иногда он смеялся и гулил.

– Алекс в тебя явно влюбился, – смеялась Мари, глядя, как мы с человеком строим друг другу серьезные рожицы.

– Как ты их различаешь?

– Они очень разные. У Александра мочки ушей неровные. У Михи более курносый нос. Они как вы с Тилем – сначала кажется абсолютно одинаковыми, а потом находишь массу различий. Но, если честно, чаще всего я их все-таки путаю, –

хихикнула она. – Даже хотела им на ручках ниточки разных цветов завязать, чтобы отличать.

Потом Мари везде намазала их кремом, засунула в памперсы и завернула в пеленки. Пока она кормила одного, я покормил второго. Мухи уснул еще в процессе кормления. Алекс долго смотрел на меня, присосавшись к пустой бутылочке, а потом пронзительно закричал. Мари забрала малыша, принялась его укачивать, что-то говорить, уйдя из комнаты в крошечную кухню. Я сидел у кровати, в которой спал Михаэль, и рассматривал малыша. Надо будет взять у мамы наши детские фотографии. Может быть, я ни хрена не понимаю в детях, может быть, я пытаюсь найти ей оправдание, но видно же, что это его дети. Да и Мари... Она ведь действительно очень сильно любила брата. Когда любишь – не изменяешь.

Через полчаса крики смолкли. Мари осторожно положила ребенка в кроватку рядом с Мухи, накрыла их одеялом. Я заметил, как Мухи во сне тут же повернул головку к брату, словно только его и ждал. Личико тронула улыбка. Алекс серьезно сопел.

– Мухи более подвижный, а Алекс капризный, – пояснила Мари устало. – Пойдем чаю что ли выпьем. Или кофе. У меня есть кофе, будешь?

Я кивнул. Все равно надо поговорить. Хотя, ей бы спать...

На кухне она плотно прикрыла дверь и открыла створку окна. Взяла тонкие сигареты с подоконника.

– Ничего, если я покурю? – спросила, чиркая зажигалкой и нажимая кнопку чайника. – Дэн, мог бы ты помочь нам с переездом? Вещей немного, но одна я не справлюсь, а напрягать еще раз твоих родителей мне не хочется.

– Куда ты собралась?

– На другую квартиру. Боюсь, что эту я не могу больше содержать.

Я нахмурился.

– Что значит «не можешь содержать»?

Мари раздраженно отмахнулась и отвернулась к окну, зябко обхватив себя за плечи, хотя в помещении было жарко и очень душно. С нее словно маска сползла. Она стала мрачной и какой-то... неживой.

– Что значит «не можешь содержать»? – повторил я вопрос строгим голосом, давая понять, что не отвяжусь.

– Моего заработка едва хватает на еду детям, – тихо ответила она. – Пока я не начну нормально зарабатывать, нам надо быть скромнее...

– В смысле? – перебил я ее. – Куда скромнее? – Квартира была такой малюсенькой, что дети спали в одной кровати, так как вторую там просто некуда было поставить. Из мебели – диван, шкаф и стул. У нее даже ноут стоял на гладильной доске, потому что стол в это микроскопическое помещение уже не влезал.

– Забей, – поморщилась она.

Чайник отстрелил клавишку. Мари достала чашки. Кину-

ла в одну пакетик самого дешевого чая, в другую насыпала ложку какого-то очень стремного кофе.

– Извини, сахара нет. Но есть печенье. Твоя мама принесла вчера.

Передо мной возникла вазочка с крекером. Она опустилась с другой стороны стола и прислонилась боком к стене. Улыбнулась.

– Я очень рада тебя видеть, Дэн. Честно говоря, не ожидала.

– Сам в шоке, – честно признался я. Вспомнил, что она всегда пьет кофе с молоком. По крайней мере много лет по утрам я делал ей кофе с одной чайной ложкой сахара и молоком. Наверное, забыла. Резко подорвался с места, распахнул холодильник... На полках не было ничего, кроме хлеба и пары упаковок детского питания. Я озадаченно смотрел на эту пустоту. Потом повернулся к Мари. Та дернулась закрыть холодильник, но я не позволил. Я сунулся в морозилку – пустота. Так, фигня в коробках – детям, а сама она что ест? Пустой хлеб? Я быстро открывал дверцы полок. Снимал крышки с чистых сковородок и кастрюль... А сама она, блядь, что жрет?!

– Мари, а сколько Тиль дает тебе денег? – трясло меня от распирающей грудь злости.

– Нисколько, – спокойно ответила она, осторожно отхлебывая кофе. – Да я и не возьму. Я молодая, здоровая, сама на жизнь заработаю.

Я смотрел на ее тощие руки, на очерченную острую ключицу и сильно выделяющиеся скулы. На чуть выпирающий после недавних родов живот и почти полное отсутствие груди и задницы. Мари была ненормально тощей, словно щепка, словно прутик, с которого кто-то оборвал листочки. Кажалось, что если бы на штанах не было завязок, они бы с нее совсем свалились — висели на тазовых косточках на честном слове и завязках. Им даже не за что было бы зацепиться...

— Не обращай внимания на это, — смотрела она перед собой. — Я работаю, Дэн.

— Интересно, когда?

— Уложу детей и работаю.

— Интересно, кем?

Она отвернулась, снова закурила. Пальцы дрожат. При таком освещении черты лица стали более резкими, черные тени легли под глазами.

— Мари, тебе нужна няня. Надо обратиться в агентство и подобрать тебе адекватную помощницу. От тебя ничего не осталось. Ты скоро отошаешь до того, что тени не будет.

Она горько усмехнулась.

— Мари... — Я не знал, как спросить, не знал с чего начать. Я знал, так много, и в то же время не знал ничего. — Мари, объясни, почему ты не хочешь принять помощь от Тиля? Кому от этого хуже?

Она затянулась, закрыв глаза. На губах легкая улыбка. Дым медленно выходит из ноздрей. И это меня особенно

взбесило.

– Твою мать! Чертова гордячка! Тебе детей кормить надо, а ты тут что из себя изображаешь?! – зашипел я на нее злобно. – Ты в зеркало себя видела? У тебя кости торчат, кожа прозрачная! Ты на мумию похожа! Тебе нечего жрать! А ты в гордость играешь?! Я пожалуюсь на тебя и заберу детей! Мы заберем детей! Ты моришь их голодом!

Она чуть повернула голову и тихо, почти шепотом произнесла:

– Тиль не признал детей.

Почему-то когда это же сказала мама, я совершенно не придал услышанному значения. Мне казалось это бредом. Я сомневался. Сомневался до последнего пока ехал к ней. Тиль не мог не признать своих детей. Если он их не признал, значит тут что-то не так. Тиль никогда ничего просто так не делает, если он сомневался, то... А сейчас... Это наши близнецы. Наши! Это не нагулянные дети, они наши, родные! И теперь я смотрел на нее и не мог поверить в услышанное. Я ущипнул себя за ляжку, желая как можно быстрее проснуться. Я не спал. Я обеими руками прочистил себе уши, в надежде, что ослышался.

– Тиль не признал детей? – переспросил на всякий случай. Она качнула головой.

– Он в своем уме?

Пожала плечами.

– Он охуел? – Бред! Бред! Ну это же бред! Самый насто-

ящий бред! Как он мог не признать собственных детей?! – Я ничего не понимаю, Мари. Ничего... Мне кажется, что у меня бред, что я сплю, что это все не про меня... Я был у Тили... Я привез вам подарки, я таскал их через всю Азию, через полмира. Я думал, что меня разыгрывают. Я все ждал, когда же дверь откроется, и ты появишься. Ты и эта чертова съемочная группа, которая расскажет, что меня снимала скрытая камера.

– Успокойся. Такое бывает. Зря что ли все сказки заканчиваются свадьбой. И никто не знает, каково это жить принцессе рядом с ее принцем.

– Мари...

– Когда я спросила, как Тиль хочет записать детей, какое имя дать, он ответил, что я могу дать им имя их отца, а он никакого отношения к ним не имеет и иметь не собирается. – Она говорила спокойно, без эмоций, как говорят о давно умершем родственнике. – Я забрала детей и переехала в первую попавшуюся квартиру, спасибо Гордону, что помог с машиной, и твоей маме, что приютила нас на несколько дней. Тиль заблокировал мою кредитку, потому что не собирался более содержать нас. Ты ведь знаешь – у меня ничего и никогда не было своего. Все было куплено им – квартиры, дома, машины, счета в банках – всё принадлежало ему, он зарабатывал, он распоряжался...

– Он всегда называл тебя женой!

– Я никогда ею не была. Я даже не могу подать на раздел

имущества и алименты – я ему никто.

– Можешь! Куча народу подтвердит, что вы жили вместе! Вы вместе уже тринадцать лет! – От бессилия хотелось выть. – Да это же доказать в суде, как нечего делать! Можно же провести генетическую экспертизу и установить отцовство!

– Я не хочу... Ничего не хочу...

– Но, Мари! Ради детей!

– Я ничего не хочу ему доказывать, Дэн. Ты видишь, чьи это дети?

Я кивнул, опуская взгляд. Мари нервно повела плечом. Тихо повторила:

– Он зарабатывал – он распоряжался, а мы ему никто. После этого у меня пропало молоко. Совсем пропало. Вечером были полные груди, а ночью ни капли... Мне действительно, Дэн, нечем кормить моих детей. Мне надо дотянуть до начала следующего месяца. У меня будет первый гонорар. Еда у близнецов есть... Спасибо твоей матери.

Мари бредила! Она сошла с ума! Спятила! Мой брат никогда бы не сделал такого!

– У нас все хорошо, – устало терла она виски. – У нас. Все. Хо-ро-шо, – по слогам, как гипноз.

– Ни хуя у тебя не хорошо! Почему? Почему? Объясни мне! У вас же все было хорошо! Меня не было три месяца, а как будто три года где-то шлялся! Всего три месяца! Что произошло за это время?! ЧТО?! Скажи, что произошло?! –

Я схватил ее за плечи и тряхнул. Хотелось сжать руки и раздавить ее. Скомкать, выбросить эту жалкую копию моей Мари. – Что произошло за три месяца моего отсутствия? ЧТО?! Я же звонил! Я звонил тебе несколько дней назад, и ты говорила, что у тебя все хорошо! Ты мне лгала? Мне все лгали? Зачем? Что произошло, Мари?!

– Я не хотела тебя расстраивать, Дэн. Я же знаю, что такое гастроли, не хотела, чтобы твоя голова была еще чем-то забита, кроме работы. К чему тебе все эти сложности?

Я бессильно взвыл и треснул кулаком по столу. Чай пролился.

– Как ты думаешь, мне много дадут, если я его убью?

Она усмехнулась.

– Не думаю, что он того стоит.

Я нервно закурил, заметался по кухне.

– Ты ведь знаешь, что он последние несколько лет гулял? – спросила бесцветно.

Я смотрел ей в глаза, не зная, что ответить. Я знал, что Тиль гулял. Он крутил романы с каждой проплывающей мимо юбкой. Я знал, что он стал агрессивным, даже мне временами было неприятно с ним общаться. Я все ждал, когда же он перебесится, пытаюсь защитить его перед Мари и оградить ее от разочарования.

– Мы несколько раз пытались расстаться, – так и не дождалась она от меня ответа. – Сходились, расходились. На людях мы были все той же чудесной парой, а дома... По-

том вроде бы все потихонечку наладилось. Психолог говорил, что у него кризис, надо переждать, поддержать, вытерпеть, это пройдет, просто сейчас трудное время и ему как никогда нужна поддержка. Я терпела... И вот вроде бы все начало налаживаться... Мы перестали ссориться, Тиль стал нормально себя вести, перестал безостановочно пить, стал ночевать дома, он стал прежним, понимаешь, Дэн? Как-то я проезжала мимо студии и решила зайти... А там он и эта...

Она совсем не дышала. Голос дрожал. Мое сердце бешено колотилось в груди и кончиках пальцев. Она как будто была наэлектризована, меня трясло от нахождения рядом с ней.

— Тогда я вернулась домой, собрала вещи и уехала в гостиницу. На следующий день я узнала, что беременна. К вечеру пришел Тиль, мы поговорили. Он был очень рад, просил простить, вернуться. Сказал, что мечтал о детях, что счастлив, что все в прошлом... Ты же знаешь, что во время беременности я несколько раз лежала в больнице? А в один прекрасный день я неожиданно вернулась домой, а там голая девица в моей постели. Тиль разорался... Как будто я не домой к себе вернулась, как будто подстроила... У меня на нервной почве начались преждевременные роды... Он опять пришел в больницу, упал в ноги, долго винился, я долго сопротивлялась, отказывалась... Говорила, что все кончено. По интернету я уже и квартиру себе подыскала, куда пойду после больницы... Но Тиль уговорил меня... Двое суток, Дэн... Он выдержал только двое суток... Дети орут,

Тиль орет, я разрываюсь на части... Слово за слово, мы поругались. Он начал говорить, что я нагуляла этих детей, а теперь хочу повесить на него. Я не стерпела, дала ему пощечину. Он развернулся и со всей силы ударил меня по лицу. Я видимо от удара потеряла сознание. А когда пришла в себя, дети орали в две глотки, а в доме никого не было.

Она долила себе в чашку еще воды и насыпала немного кофе. Я, ошарашенный, смотрел на нее, как на приведение.

– А почему ты ничего не сказала?

– Потому что это очень унижительно и мерзко. Да и ты все отлично знал, только выгораживал его постоянно. Я пыталась все эти годы что-то сделать. Ходила к психологам, думала, что что-то не так во мне, что-то придумывала, старалась... Любовь проходит, Дэн. Такое бывает. Просто у Тиля она прошла быстрее...

Я качнул головой.

Мы несколько минут сидели молча.

– Что ты молчишь? – спросила тихо.

– Слова подбираю, – буркнул я, глядя перед собой.

– Какие?

– Цензурные.

– Ааа, – протянула.

И снова наступила тишина.

Минут через пять она заторможено повернулась ко мне и жалобно попросила:

– Поможешь мне переехать? Там пригород, воздуха боль-

ше, парк через дорогу, квартира, правда, меньше...

Я еще раз обвел взглядом малюсенькую кухню.

– Тут пока будешь жить. Даже нет, не тут. Тут страшно и небезопасно для тебя и детей. Я найду для вас нормальное жилье.

– Дэн...

– Не спорь со мной, пожалуйста. Неужели ты думаешь, что я позволю своим племянникам жить в нищете после того, как сам из нее с таким трудом выбрался? Только, Мари, дай мне слово, что не уедешь никуда, не сбежишь и позволишь мне общаться с вами?

Она вздохнула.

– Я не возьму у тебя денег.

Я накрыл ее руки своими и улыбнулся:

– И не надо. Просто позволь мне заботиться о тебе. Ты мне все-таки не чужая. Ты мать моих... – Я запнулся, думая, как бы сказать. Потом меня осенило: – Ты мать моих мальчишек.

Она закусила губу, борясь со слезами. Фыркнула недовольно, отвернулась.

– Я сейчас в таком хреновом положении, что даже не могу тебе отказать.

Я, не выпуская ее ладони, обогнул маленький стол и опустился перед ней на корточки.

– Знаешь, вот теперь у тебя действительно все будет хорошо. Я вернулся, Мари. Я больше никому не позволю тебя обижать.

Неожиданно ее лицо исказилось, крупные капли потекли по щекам, закапали на грудь, майку. Она разревелась, сжавшись в комок и уткнувшись в ладони. А я гладил ее одной рукой и улыбался. Все будет хорошо, Мари. Обещаю.

Домой я попал только под утро, злой, уставший и голодный. Всю дорогу я думал о случившемся, пытался найти оправдание брату, просчитывал варианты его поступков. Ничего у меня не сходилось. Блокируя кредитку Мари, Тиль должен был понимать, что оставляет ее без средств к существованию. Зная брата, я мог дать руку на отсечение и даже готов был подраться с кем-нибудь, доказывая, что он никогда бы так не поступил. Тем более с Мари. Мари для него была святой, он пылинки с нее сдувал, да он с ума сходил, если не мог до нее дозвониться дольше десяти минут. У него на уме и на языке всегда была только Мари. А еще Мари сказала, что Тиль сам отказался от проведения экспертизы, мол, он и так все видит и знает. Хорошо-хорошо, если допустить, что Тиль реально сомневался в своем отцовстве, то почему отказался от ДНК-экспертизы – ведь тогда это снимало все вопросы? Я был уверен на миллион процентов, что Тиль отлично знает, чьи это дети. Просто тут что-то не так...

Сюзен встретила меня сонной и мятой. Он мурлыкала и жмурилась, целуя меня, гладила по груди, фырчала, как кошка, прижимаясь всем телом.

– Я очень хочу есть, – устало признался я.

Она блаженно ткнула носом мне в шею, чмокнула в ка-

дык и отправилась на кухню.

– Я ждала тебя пораньше, – грела она мясо с овощами в микроволновке. – Сок будешь? Выжать?

Я кивнул и уселся в кресло, доставая сигарету.

– Дэн, – скривилась она игриво. – Не кури здесь...

– Вытяжку включи посильнее, – велел я.

– Иди на террасу. Я там накрою.

Я с трудом переместил свою задницу в кресло на террасе. Улыбнулся – Сю действительно ждала: на столе стояли фужеры и вино, фрукты, сыр нарезан кусочками. Сю поставила передо мной тарелку с едой.

– Хоть бы позвонил, – села она на подлокотник и обняла меня.

– Да я не думал, что настолько задержусь... – Отрезал от отбивной кусочек и с удовольствием отправил его в рот. – Заехал к ребятам... А там... Ты знаешь, что Мари ушла от Тиля?

– Конечно, – щекотала она мне шею коготком. – Их отношения давно дали трещину.

– Давно? Ты знала?

– Ну да, – тянула томно. – Когда мы только начали с тобой жить, она спросила, нет ли у меня хорошего психотерапевта. Я спросила, что случилось. Ты же знаешь, из нее слова лишнего не вытянешь, а тут она неожиданно разревелась, сказала, что у нее больше нет сил бороться за семью, Тиль какой-то неменяемый, они постоянно ссорятся, ей кажет-

ся, что Тиль ее ненавидит, потому что всё, что она делает – плохо. Я дала ей телефон Ларри, моего друга, он семейный психолог. – Я кивал, работая челюстями. Даже не думал, что настолько проголодался. – Потом Мари как-то обронила, что их развод – это дело времени, а через некоторое время выяснилось, что она беременна. Помнишь, у нас ремонт был, мы пару недель жили у них? Ты тогда свалил куда-то, а я стала свидетелем их ссоры. Тиль прессанул ее очень сильно и жестко. Он задибался, задибался, словно повод искал, Мари отмахнулась, мол, глупости все это, и тут его понесло. Скажи ты мне такое, я бы ни на секунду не задержалась в твоём доме. Мари попыталась сгладить конфликт, ей было неловко передо мной, но Тиль прям в раж вошел. Я думала, он ее ударит. А в обед ее забрали в больницу с угрозой. Кстати, ты тогда еще звонил, а я сказала, что мы в больницу едем, помнишь?

– Ты все это знала и ничего мне не сказала? Почему?

– Ты интересный такой! Это их семья, пусть сами разбираются. Вообще, она не говорила, но у меня было ощущение, что он до такой степени не хотел этих детей, что готов был собственноручно ее отравить.

– А у меня сейчас ощущение, что я сплю. И мне очень хочется проснуться. Я уехал из семьи, где всё было нормально, а вернулся на какие-то руины... Сюю, меня не было всего три месяца...

– Брось, Дэн. Ну, разбежались и разбежались, делов-то.

Не вижу повода делать из этого трагедию. Хотя... Честно тебе скажу, Тина – это какой-то фееричный пиздец. Она будет хорошим наказанием твоему брату за Мари. Я общалась с ней не больше пятнадцати минут, но и этого времени мне за глаза хватило.

– Что же делать?

– Ничего. Не лезь в чужие отношения. Пусть сами ковыряются в своем дерьме.

– Нет, Сю. Мари – член моей семьи, мать моих племянников.

– Твой брат не признает этих детей.

– Мне плевать, что он там признает, а что нет. Это его личная половая трагедия. Мы столько всего пережили с ней. Она мой друг, мой самый близкий друг. Дьявол, если бы я узнал раньше, что у них творится...

– То что бы ты сделал? – рассмеялась она. – Ларри считает, что у Тиля кризис амбиций – неудовлетворенность работой, крах карьеры, ощущение ущербности, зависть к более успешным коллегам. Мари – это напоминание об успешном прошлом, в ней нет того блеска и восхищения, которое ему требуется. Тиллю надо на ком-то самоутверждаться, отсюда все его загулы и шашни с пустышками типа Тины. У нее же мозга вообще нет, с ней даже говорить не о чем. Я не знаю, где вы нашли такую дуру. Это же надо было постараться...

– Ты что говорила с ним?

– Конечно.

– А как же врачебная тайна?

– Слушай, ну какая может быть врачебная тайна между людьми, которые видели друг друга голыми?

Я удивленно глянул на девушку. Она захохотала:

– Это мой друг детства. Мы с ним с пеленок выросли, друг на друге целоваться учились, сигареты друг у друга стреляли, первый раз напились... Я спросила у него, что делать, он сказал, надо переждать, Тиль перебесится, успокоится... Ну, это типа подросткового периода...

– Знаешь что! – швырнул я приборы на стол. – Кризис в голове! Я его близнец, и у меня что-то никакого кризиса не наблюдается! Я верю только в один кризис, когда человек не может собой управлять – это подростковый взрыв гормонов. Все остальное блажь и ерунда.

– Что ты сравниваешь? Ты другой. Тиль более чувствительный. А про Мари Ларри сказал, что у нее из-за Тиля затяжная депрессия, что если бы удалось ее переключить на что-то другое, то их отношения можно было бы спасти. И тут она залетает и вместо поддержки получает новые приступы агрессии со стороны Тиля.

– Слушай, а где я был все это время? Почему я ничего не знал?

– А ты работал, Дэн.

Я покачал головой. Картинка прорисовалась, но верить в нее мне не хотелось. Если у Тиля настолько серьезные проблемы, почему он мне ничего не сказал? Черт, я как знал, что

нам нельзя было разъезжаться. Жил бы я с ними, все было бы нормально. «Он прессанул ее жестко...» Да он не мог ее прессануть! Не мог ударить! Они же даже почти никогда не ругались! Это какой-то бред...

– Пойдем спать? – ласково промурлыкала мне в ухо Сюзен. – Я очень по тебе соскучилась.

– Пойдем, – с готовностью поднялся я. – А завтра я проснусь, и все будет хорошо. Слышишь? Все будет хорошо. Этот бредовый кошмар кончится, и все будет хорошо. Главное сейчас уснуть побыстрее.

Глава 2

Рано утром я уже пинал дверь Мари, обвешанный пакетами с ног до головы. К двери с той стороны подошел детский плач, замок щелкнул и предо мной предстала молодая мамочка, интенсивно трясущая одного из младенцев. Второй надрывался в комнате. Мари выглядела даже хуже, чем вчера, хотя вчера она выглядела просто отвратительно. Она мельком глянула на меня, кивнула, приглашая войти, и ушла обратно в комнату.

– Ты спала? – спросил я, переложив продукты в холодильник.

Она вымученно улыбнулась и покачала головой. Мне все-таки интересно насколько ее хватит?

– Почему они кричат? – взял я на руки одного из мальчиков. Я так за вчера и не научился их различать.

– Не знаю, – всхлипнула она. – Они сытые, чистые... Может устали? Перегуляли?

– Перегуляли? – Я посмотрел на часы: время – начало девятого. – Ты уже с ними гуляла?

– Нет, просто они не спят с пяти утра.

– Ранние пташки, – улыбался я малышу. – Это кто?

Она как-то осоловело глянула сначала на моего ребенка, потом на своего, и я понял, что дальше лучше не уточнять.

– Все-таки я им сделаю именные браслеты, – пообещал я. Мари вяло растянула губы в жалком подобии улыбки.

Через час близнецы «концерт» закончили и мирно заснули. Мари без сил бухнулась на табурет на кухне. Я приготовил ей завтрак и сделал чай с мятой.

– Смотри, я всё обдумал, что и как, – принялся я делиться с ней своими гениальными мыслями. – Тебе, во-первых, надо сменить жилье, это я возьму на себя. Просто надо подумать, где тебе будет лучше, район там... Что вам еще нужно? Магазины? Больница? Ну, мало ли что?

Мари кивнула, неторопливо жуя мою нехитрую стряпню.

– Вот мне нравится, когда ты со мной соглашаешься, – широко улыбнулся я.

– У меня просто нет сил с тобой спорить.

– И не надо! Во-вторых, тебе нужна помощница. Это я тоже беру на себя. Я обращусь в агентство, выберу для тебя штуки три-четыре наиболее адекватных нянь, а там уж ты сама решишь, кто тебе ближе. У тебя есть какие-нибудь пожелания?

Она рассеянно уставилась в тарелку с омлетом.

– Ну, там... Не знаю... Хочешь, чтобы она тут еще готовила или убирала? Языкам детей обучала? Хочешь?

– А можно она будет из России? Я хочу, чтобы дети знали родной язык.

– Из России? – почесал я затылок. – Попробую... Но не обещаю. А возраст какой ты хочешь? Молодая? Пожилая?

– На твое усмотрение.

Я мечтательно улыбнулся и поиграл бровями:

– Ммммм... Ты доверяешь моему вкусу? – сладко протянул.

Мари шутку не оценила. Я постарался стать серьезным. Но почему-то, глядя на эту умученную тощую кошку, серьезным быть не получалось. Ее хотелось теребить и веселить. Вот только веселиться она не хотела.

– Мари, а давай я пойду с ними гулять, а ты поспишь? И буду гулять так долго, как только смогу, а ты все это время будешь спать.

Она усмехнулась:

– Издеваешься?

– Нет, серьезно. Объясни только, что и как делать, положи всё, что надо, а я пойду с ними в парк. Когда они проснутся, я их покормлю и буду дальше с ними гулять, ну пока сил у меня хватит.

– Дэн, ты детей видел только по каналу «Дискавери». И то, когда случайно мазал мимо кнопки на пульте.

– Надо же мне когда-то учиться. А то вот пойдут свои, а я ничего делать не умею. Буду тренироваться.

– Угу, на чужих оно всегда приятнее.

– Я знал, что ты меня поймешь, – обхватил я ее за плечи и потрепал по голове. – Соглашайся. Тебе надо отдохнуть. Пока у тебя нет няни, я буду твоей няней.

Мари тяжело вздохнула.

– Имей ввиду, ты сам напросился.

С четкой инструкцией на все случаи жизни, как и что делать с детьми, мы с Мари спустили коляску с пятого этажа. Еще утром, поднимая провизию к ней, я матерился на чем свет стоит, что она живет так высоко. Спуская коляску вниз с двумя младенцами, я с ужасом думал, как она, моя маленькая тщедушная Мари, таскает ее туда-сюда каждый день одна. Так, надо не забыть – на новом месте должен быть лифт, в противном случае квартира должна быть не выше второго этажа.

– И ложись спать. Никаких домашних дел – отдыхай!

– Слушаюсь, папочка. Если что – звони. Я телефон рядом положу.

– Хорошо. Но я постараюсь справиться. Кто из них кто?

– В зеленом боди Алекс, в голубом – Мими.

– Все понятно: зеленый – старший, голубой – младший.

Главное не перепутать.

Ничего сложного в выгуле детей я не заметил. Мальчишки спали еще два часа, а я катал коляску по парку, ловя на себе заинтересованные взгляды проплывающих мам и пробегающих мимо спортсменов. Нет, можно было конечно же посидеть на лавке и почитать газету, но не проходило и четверти часа, как на лавку тут же приземлялись другие мамы и бабушки, которые начинали выносить мне мозги своими расспросами. Если ходить, они так не пристают. А вот если захочу заиметь новый роман – придется брать у Мари де-

тей напрокат. Оказывается, молодые фрау торчат от респектабельных мужчин с детьми. Надо будет это тоже запомнить.

Проблемы начались тогда, когда мальчики проснулись. Слава богу, проснулись они не одновременно! Сначала свои глазоньки разлепил Михаэль. Закряхтел, завозился. Я тут же сунул ему бутылку с едой в рот. Причмокивая, он начал энергично лопать молочную смесь. Я даже порадовался, что пока все так просто. Бежать домой очень не хотелось. Мари нуждалась в полноценном отдыхе. Когда Михи поел, я извлек его из коляски и поставил вертикально. Честно говоря, не сильно помню зачем, но Мари велела сделать это обязательно. Я походил немного с ребенком на руках, рассказывая, что вот это дерево, это парк, а это его дядя Дэн, который его очень любит и никому не отдаст ни за какие миллионы. Михи кряхтел, краснел, а потом... Мое плечо моментально пропиталось молочной рвотой. Я перепугано схватил ребенка и начал крутить. Михи подобное отношение не понравилось, поэтому он заорал, разбудив брата. Алекс зевнул, распахнул глаза, оценил обстановку и тоже принялся орать. Я скакал с ними вокруг лавки, совершенно не понимая, что делать. Если Михи отравился смесью, то давать ее Алексу нельзя! Но Алекс хочет есть, потому что соску он постоянно выплевывает. Что же делать? Что делать? Господи, что делать? Помогите кто-нибудь!

– Вам помочь? – обратилась ко мне милейшая фрау лет сорока.

– Чем? – рывкнул я на нее.

Она пожала плечами.

– Все равно мне кажется, вам нужна помощь.

– Его вырвало, – повернулся я к ней испачканным плечом. – Второй хочет есть...

Женщина оценила масштаб катастрофы.

– Ничего страшного, это простая отрыжка. Первый раз на прогулке с сыновьями? – Она достала бумажную салфетку и принялась оттирать с меня рвоту.

– Первый, – постарался улыбнуться я. – Жена устала, я хотел ей помочь.

– Понимаю. Мой тоже боялся всего, ребенок чихнет, а он уже в обмороке. – Она забрала... Она забрала... Я с ужасом понял, что забыл кто в каком боди. – У вас есть еда?

Я торопливо извлек из термоса бутылочку с едой для ребенка. Женщина удобно устроилась на лавочке, а я начал успокаивать... Черт! Я забыл кто какого цвета!

– Я троих вырастила, – говорила мне фрау, сюсюкаясь с ребенком. Мой перестал орать и теперь причмокивал соской. – Как его зовут?

«В зеленом Михи, в голубом Алекс»? – вспыхнуло в памяти. Нет, не так, все наоборот! Или...

Фрау глянула на меня удивленно.

– Они близнецы, я их путаю. Один Алекс, второй Михи. Только я теперь не знаю, кто из них кто. Они совсем одинаковые. Жена еще как-то различает... по ушам... и этому...

как его? Поведению...

– А вы ниточки на ручки привяжите, – рассмеялась женщина. Она вернула мне бутылочку и поставила ребенка вертикально. – И, кажется, кто-то испортился, – скривилась.

– В смысле испортился? – не понял я.

– Ну, в смысле, вам жена дала запасной памперс и салфетки?

Она достала из коляски тонкое одеяльце и расстелила его на лавочке. Я покопался в сумке, извлекая все, что приготовила Мари на прогулку.

– Ого, – улыбнулась фрау, заметив мой список. – У вас заботливая жена. Давайте мне сюда салфетки, бутылку с водой, крем и чистый памперс.

– А это не опасно? – на всякий случай спросил я.

– Гораздо опаснее ходить в грязном памперсе – раздражение может быть.

– А не холодно?

– На улице почти тридцать! Я бы вам посоветовала и памперс снять, чтобы не перегреть яички, но, думаю, вряд ли ваша супруга желала вам зла в виде стопки мокрых пеленок. Поэтому, давайте сюда новый памперс.

Фрау ловко раздела ребенка.

– Сколько им? Месяц?

– Два, – поправил я ее без всякой задней мысли, поливая из бутылки на нашу грязную попу, при этом ребенок надрылся на весь квартал.

Она как-то странно на меня покосилась.

– И такие маленькие? – хмыкнула.

– А что не так? – напрягся я.

– Мои в два совсем по-другому выглядели.

– Жена не доносила. На два месяца раньше родила.

Она вытерла насухо каждую складочку, смазала все кремом и закрепила липучки памперса на животике малыша.

– Ну, у близнецов это нормально. Они всегда раньше срока рождаются, – успокоила. – Так значит ты, маленький, торопыжка? – ласково заворковала она с ребенком. Тот недовольно вопил и брыкался.

– Торопыжка, – согласился я, глядя, как она ловко засовывает мальчишку в боди.

Переодетый карапуз еще повозмущался и затих. Все это время малыш у меня на руках не издал ни звука.

– У вас Алекс, – нашелся я. – Да, точно! Алекс капризничает, особенно когда его раздевают. А Михи спокойнее.

– Алекс? – улыбнулась фрау, тиская ребенка.

– Александр, – гордо выпятил я грудь.

– Александр, – повторила она. – Вылитый папа. Даже ушки такие же.

Почему-то этот комплимент показался мне самым лучшим в жизни. Я довольно кивнул и покрепче прижал к себе Михи. «Вылитый папа. Даже ушки такие же». И пусть я не их папа, но... Слышал бы это сейчас Тиль... Он бы больше не сомневался, чьи это дети.

Потом мы валялись с детьми в парке на одеялке. Точнее дети валялись на одеяле, а я лежал рядом на траве и всячески с ними забавлялся. Они махали ручками, дрыгали ножками, гулили и пускали пузыри. Когда я щекотал их, они смешно смеялись. Они чихали одновременно, улыбались одновременно, они одновременно поворачивали головки. Я наблюдал за ними и не мог налюбоваться. Когда-то мы с Тилем были такими же. И мама возилась с нами точно так же. Вот только у мамы был папа, а Мари у меня одна. И Мари нужна помощь, иначе она вообще исчезнет.

– Вы бы детей с солнца убрали, иначе они у вас перегреются и обгорят, – порекомендовала юная фрау с коляской.

Я торопливо передвинул нас в тень.

– И воды им дайте, у малышей очень быстро наступает обезвоживание, – кинула она уже в сторону, через плечо, удаляясь от нас. Все-таки есть что-то полезное в таких прогулках.

Алекс выдул всю бутылку воды. Мухи покряхтел, поплевался и отказался. Маленький, чуть Алекса жаждой не заморил. Я смотрел на часы. Скоро детей надо будет опять кормить, пора выдвигаться в сторону дома. Надеюсь, Мари хоть немного отдохнула.

Мари спала так крепко, что даже не отреагировала на наше возвращение. Я тихонечко прошел в комнату, держа детей на руках. Посмотрел на нее и понял, что не могу разбудить. Совсем не могу. Рука не поднимается. Да, конечно, ма-

ма ей помогает, когда у нее есть свободное время. Ну а что мама? Мама приходит к ней на пару часов, с детьми она не гуляет почти. Хорошо, если просто поесть принесет. А так она круглосуточно одна с ними. Я аккуратно положил близнецов в кроватку и начал быстро собирать вещи – если я заберу их до завтра, Мари же не расстроится? Надо взять соски, бутылки, еду, памперсы... Если что-то не хватит, доеду до какого-нибудь круглосуточного магазина. Я закинул все в пакет. Написал ей записку. Сьюзен обрадуется близнецам, я знаю. Она очень любит детей. Только проблема – как их вести. Коляска у нас была самой обычной, без переносок и специального приспособления для машины. Я осторожно положил детей на переднее сидение и очень медленно поехал в ближайший детский магазин за креслами, молясь, чтобы какой-нибудь придурок не влетел в меня.

В магазине меня моментально облепили молоденькие продавщицы, которые наперебой начали предлагать самые нужные из ненужных вещей. Мы с парнями ходили по залу, величественно указывали взглядами на понравившиеся вещи, и они тут же переключивались с полок в тележку, которую катила продавщица (потому что у меня обе руки были заняты). Правда, еще пришлось купить какие-то ненужные пока нам штаны, которые Алекс сможет носить хорошо если лет через десять, но племян так в них вцепился обеими ручонками, что я понял – без боя не отдаст. Пришлось взять. Шмоточник. Весь в отца. В отделе игрушек они на пару на-

чали капризничать, пришлось завершать с шопингом. Дети устали, и если начнут орать, я ж помру прям там у кассы. Я, особо не выбирая, указал взглядом в два кресла и проследовал на выход. Нда, чек за поход в магазин мало отличался от чека, который Тиль получал, затариваясь всякой фигней в бутиках. Все-таки дети – это затратно. Нет, я точно придушу своего брата. Мне немного дадут, я буду в состоянии аффекта.

Новые примочки и кресла парням понравились. Всю дорогу я слушал, как они гулят и гремят погремушками. Я плавно вел машину, чувствуя какую-то потрясающую ответственность за двух маленьких людей в своем салоне. Это не было похоже ни на что. Это было что-то новое и совершенно другое. Это было классно. В багажнике лежала куча игрушек, развивающих ковриков, одежда и детская косметика. Мои племянники ни в чем не будут нуждаться. У них будет куча всего. Они будут самыми лучшими и самыми крутыми пацанами в школе!

– Дэн, ты вообще головой думаешь, когда что-то делаешь, или ты в нее только ешь? – шипела на меня Сюзен, злобно тараща глаза.

– Детей надо покормить, – строго сказал я.

– Я не умею обращаться с детьми!

– Учись. Ничего сложного в этом нет.

– И не собираюсь! Вот когда будут свои дети...

– Это – мои дети! – зло процедил я. Мальчишки в две

глотки орали на всю квартиру. – И их надо покормить.

– Что еще им надо сделать? – ехидно скривилась она.

– Помоги мне, их надо покормить.

– Ты их притащил, ты их и корми. Или ты решил облагодетельствовать детей всех нищих?

Я чуть не двинул ей по морде. Удержался с огромным трудом.

– Ты мне поможешь?

– Нет! Нет! Нет!

– Ну и иди к черту!

Я подогрел воду, развел смесь и попытался накормить мальчиков. Близнецы категорически отказывались есть. Мими крутил головой и проливал содержимое бутылочки, Алекс к соске даже не присасывался. Я качал их, рассказывал сказки, совал в рот соски – бесполезно. Чтобы не слышать детские крики, Сью сделала телевизор на полную мощность. Меня это жутко бесило. Еще через час я готов был разбить телевизор о ее голову, а детей выкинуть в окно. Выхода не было, надо признать поражение и позвонить Мари. Я вспомнил ее затравленный вид вчера, ее жуткие синяки под глазами сегодня, и понял, что... Да черта с два! Чтоб я с двумя горлопанами не справился!

– Мам, мам, привет, мам... Приезжай, пожалуйста, а. Я не могу больше, мам. Они орут и орут... Я сойду с ума, мам...

К маминому приезду в квартире стало тихо хотя бы на телевизор. Поняв, что я не собираюсь отвозить детей обратно,

Сьюзен сама уехала к родителям. По крайней мере, теперь я знаю, как она относится к детям. И не могу сказать, что это плюс в ее копилку.

Мама достаточно быстро успокоила Алекса, сказав, что он всего лишь хотел пить. Напившись, он сыто выпустил воздух и отрубился. С Мухи было хуже. Он категорически отказывался успокаиваться, орал, сучил ножками и явно проявлял беспокойство. К тому времени я уже настолько устал, что, казалось, выраблуюсь следом за Алексом. Малыш лежал у меня на груди и забавно сопел, сладко причмокивая губками.

– Он какал? – спросила мама.

Я пожал плечами.

– Утром не знаю, а днем нет.

– Понятно, – вздохнула она. – Животик болит у маленького. Противный Дэн не проследил, покакать не помог...

Противный Дэн мысленно умолял маму только об одном, чтобы она осталась на ночь, иначе он тоже сейчас будет орать и сучить ножками.

Я отказался смотреть, что мама делала, чтобы избавить ребенка от такой деликатной проблемы, как запор, зато результат не заставил себя долго ждать. Через несколько минут дом наполнился тишиной. Мама аккуратно сняла с меня пригревшегося Алекса и переложила его поближе к Мухи. Алекс попробовал возмутиться, но близость брата подействовала на него успокаивающе. Он лишь недовольно пискнул и снова затих.

– У меня состояние дежа-вю, – ласково улыбалась мама, глядя на детей, оккупировавших постель дяди. – Я чувствую себя на тридцать лет моложе. Надо же какие у вас сильные корни. Мне так и хочется одного назвать Дэном, а другого Тилем. Даже характеры похожи. Ты был более спокойным и независимым, как Михи, а Тиль всегда был ласковый и истеричный, как Алекс. Я очень благодарна Мари, что она не забрала детей и не уехала к родителям в Канаду или Россию, хотя лично я так и сделала бы – забрала детей и свалила подальше от их отца-кукушки. Шенки должны расти в своей семье. Даже если их отец оказался... – мама грустно вздохнула. Я заметил, как дрогнули ее губы. Она резко отвернулась, словно стыдясь моего взгляда.

– Все равно она могла подать заявление в суд на установление отцовства и обязать Тиля платить ей алименты.

– Зачем? – хитро глянула на меня мама, выпроваживая из спальни и закрывая за собой дверь. – Мария очень умная девушка. Нет отца – нет проблем. Дети только ее. Куда хочет – туда летит, хоть завтра, хоть послезавтра, хоть в данный момент, и никто ей не указ, не надо ни за кем бегать, не надо никого умолять дать разрешение. Отсутствие записи в графе «Отец» и их российское гражданство решило многие ее проблемы, а Тилю и нам только создало. Мы никто для этих детей. Она может сейчас позвонить в полицию и сказать, что ты их украл.

– Мам, о чем ты? – возмутился я. – Какая полиция? Какое

гражданство? Какой «забрать и уехать»? Ей жрать нечего! Ты видела ее холодильник? Там же мышь сдохла от голода!

Мы ушли в столовую. Мама провела быструю ревизию в холодильнике, выясняя, чем меня можно накормить. Усмехнулась, увидев стратегический запас пищи. Освободила одну из упаковки и закинула ее в микроволновку.

– Дэн, проблемы с деньгами в случае с Мари – это очень временные проблемы. И ты это отлично знаешь. И еще ты отлично знаешь, что она сама в состоянии заработать на содержание себя и детей. Ты же не думаешь, что она будет сидеть дома и ждать милости от твоего брата? Пока у нее есть, за что цепляться здесь, в Германии, она будет торчать в стране, и будет позволять нам общаться с детьми. Как только последняя ниточка оборвется, Мари мгновенно упорхнет, только ее и видели. Именно поэтому я всеми силами пытаюсь ей показать, что у нее тут есть семья и она может на нас рассчитывать.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь. И уже тот факт, что она пришла к тебе ночью с детьми, а не к кому-то еще, говорит о том, что она считает нас своей семьей, даже не смотря на мужа-кукушку. Ты ведь останешься, да? – жалобно сложил я брови домиком. Маму всегда подкупало подобное выражение лица.

– Останусь, что с тобой делать? Как она тебе детей доверила? – поставила передо мной стакан с соком.

– Никак. Она спала, и я не стал ее будить. Мари так пло-

хо выглядит, что мне хочется отправить ее куда-нибудь отдохнуть.

– Она еще не ест ни черта.

– Я заметил. Утром сделал омлет с сосисками, так она и половины не съела. А омлет вкусный получился.

– У нее депрессия. Когда у нас с детьми жила, иногда за день и стаканчик йогурта не осиливала. Хотя насильно ее корми. Дэн, может, ты поговоришь с братом? Ну, не дело это. Шенки должны быть Шенками, а не кем-то там еще, они должны жить со своей семьей. На Мари пока еще можно повлиять, но как только она придет в себя – всё, мы потеряем детей.

– А что я могу, мам? Ну, поговорю... И дальше? Думаешь, Мари его простит?

– Она мать его детей. Запомни, любая мать хочет, чтобы у ее детей был отец, хочет рассказывать ему о чем-то, ходить с ним гулять, хвастать подругам, какой отец ее детей замечательный папа. Она сейчас в том состоянии, когда легко согласится вернуться.

– А Тилу это надо? – пристально глядя ей в глаза, спросил я.

Мама вздохнула:

– Он сам не знает, что ему надо. Еще эта свадьба... Он очень агрессивен, он как будто прет против всех, как будто вызов бросает – ах, вы этого не хотите, тогда я именно так и сделаю. Только кончится все для него плохо, Дэн. И я не

знаю, как его защитить. Когда рядом была Мари, я была спокойна за него. А с этой...

– Значит, ему надо пройти через это, мам. Плохо, что люди от его новой блажи страдают.

– Дети, Дэн, страдают. Мы, наверное, какие-то несчастливые. Ваш отец бросил меня с вами... Теперь вот Тиль... Повторяет...

– Я поговорю с ним, мам, не переживай. Знаешь, мне сегодня в парке несколько раз сказали, что дети очень похожи на меня, а значит на Тиля. Мне кажется, когда он это узнает, то сомнений больше не будет, чьи они. Я поговорю с ним.

Я не сдержал слово, данное маме. Я несколько раз пытался поговорить с братом. Тиль тут же превращался в смесь дикобраза и скунса – он «выстреливал» иглами и струей во-ни, отчего все попытки вправить ему мозги проваливались с треском – я реально рисковал получить дыроколом по голове. Я не понимал, что с ним, не узнавал его. Казалось, Тиля подменили. Создавалось впечатление, что Мари нанесла ему какую-то серьезнейшую обиду, которую он не может простить и из-за которой он бесится и ничего не хочет слышать о бывшей возлюбленной. Тогда я зашел с другой стороны – решил поговорить об их отношениях с Марией. Вот так однажды вечером сел на ее малюсенькой кухоньке, разложил перед ней все свои карты, объяснил ситуацию и попросил помочь. Мари было неприятно вспоминать. Она сказала, что первые звоночки зазвучали еще три года назад, когда стало

ясно, что группа перестала быть востребованной и надо принимать какое-то решение. У Тиля началась депрессия, и отдушину он нашел в моей новой девушке, с которой я вознамерился жить с ними в одном доме (это Мари уже потом поняла, когда пыталась решить их проблему с психологом). Я закусил губу. Это была очень неприятная история. Мари, честно говоря, даже половины не знала. Мы тогда проводили очень много времени дома, у нас с Мари нашлись общие темы и идеи, которые мы хотели реализовать, а Тиль как-то выпал из нашего поля зрения. Как раз я задумался о студии, мы ездили с ней на переговоры, подыскивали помещение. И Тиль в конце концов... приревновал ее, обвинив меня, что я намеренно увожу его жену. Он всегда был ревнив. Рядом с ним Отелло – малолетний шалунишка. Чтобы снять подозрения с Мари, я привел в наш дом Линду, представил ее своей девушкой и сказал, что мы будем жить вместе, ибо мне надоело ездить трахаться на сторону, когда у меня есть собственная огромная спальня. Что началось... Главным источником бед в семье тут же стала несчастная Линда. Тиль в ней раздражалось всё, начиная от зубной щетки в моей ванной, заканчивая педикюром на ее ногах. Через два месяца я переехал в отдельную квартиру, потому что Тиль не давал прохода бедной девушке. Мари тогда еще морщилась и виновато говорила, что брат, похоже, меня ревнует, потому что вроде бы я всегда был рядом, всегда его, а тут меня надо с кем-то делить. Правда, с Линдой мы все равно долго не протянули,

но возвращаться домой я не стал. Так мы и жили отдельно, и я с горечью вспоминал, как готовил всем по утрам кофе и омлет, жарил тосты, а вечерами мы втроем ужинали и делились мыслями. Мне не хватало моей семьи, не хватало брата, не хватало Мари, меня мучило одиночество и... зависть. За эти годы Мари стала мне очень близка. Я смирился со многими вещами, запретил себе думать о ней, мне достаточно было просто видеть ее каждый день и желать спокойной ночи каждый вечер. Спасала совместная работа и совместные проекты. По утрам мы все так же пили кофе, но уже в офисе, болтали о делах, делились мыслями, смеялись, и мне даже в голову не приходило, в каком аду я бросил свою девочку. А полтора года назад в моей жизни появилась Сюзен, но это уже совсем другая история. А тогда, когда мы с Линдой съехали, я и подумать не мог, что Тиль найдет себе новую жертву – Мари. Она много раз пыталась поговорить с ним, чтобы выяснить причину раздражения. В моменты откровений он жаловался, что устал, никому не нужен, потерял смысл жизни, больше не видит цели. Иногда Тиль взрывался, и в их жизни наступал Армагеддон, иногда они по несколько недель и даже месяцев жили душа в душу. А потом Тиль все чаще стал говорить об изменах Мари. Он видел их везде, он искал их всюду, он вдруг мог разорваться, если кто-то звонил Мари на мобильный и номер не определялся. Он разогнал от нее всех друзей, он окружил ее тотальным контролем. При этом он изменял ей сам. Постоянно. Он приходил

домой под утро, закатывал скандалы, устраивал сцены. Мари стойко держалась полгода, а потом ушла – не выдержала.

– Понимаешь, я никогда ему не изменяла, ни разу, – тихо говорила она, глядя в никуда. – Я знала, что он гуляет, отлично это знала. И он знал, что я в курсе его измен. Но он словно боялся, что я не выдержу и отомщу ему тем же. Он говорил, что слишком молод, ничего в этой жизни еще не попробовал, а я ему мешаю жить по полной. При этом я оказалась как будто запертой в шкафу, из которого меня никуда не отпускали. Я смотрела на ситуацию со стороны и с ужасом понимала, что у меня не осталось вообще никого рядом – только он. Он же даже тебя выжил! – Мари посмотрела на меня с тревогой и какой-то надеждой. Я кивнул на всякий случай. Наверное, она права – близнец искал повод очистить территорию и он ее очистил. Я только не понимаю, зачем... – Тиль как змея менял шкуру. Его крючило, ломало, ему было плохо, и он делал плохо окружающим. Он словно выдавливал всех, сам заполнял помещение, но тоже в нем не помещался, поэтому он крушил стены. Не знаю, как это объяснить... Он трансформировался, и эта трансформация уничтожала окружающий его мир. Он как огонь пожирал все вокруг себя, понимаешь? Он оставил мне какой-то пяточок, с которого я не могла никуда уйти, мне нечем было дышать, меня обжигало, на котором я загибалась, а он «облизывал» меня пламенем и следил за реакцией – сдохнет или еще можно поиграть? А потом я залетела. Когда я окончательно при-

няла решение уйти от него, я тупо залетела! Вот такую свинью подложил мне организм! Смешно даже... В тот день я смотрела на тест и не понимала, что делать. Вроде бы я в том возрасте, когда уже надо рожать, но у меня семья рушилась на глазах, куда на этих руинах рожать? Я сказала об этом Тиллю. Дэн, он так обрадовался! Я даже не ожидала от него такого! А спустя несколько недель он вдруг начал гундеть, что дети не его, что я их нагуляла, что мне надо пойти и немедленно сделать аборт. А какой аборт, когда дети в животе уже шевелятся, и я их чувствую! Я ему объясняла, что у меня никогда в роду не было близнецов, ни у кого, что если он мне не верит, мы можем сделать тест на отцовство, а он смотрит на меня с ненавистью и опять своё – блядские выродки. А когда в больнице дети лежали на выхаживании, он приехал на них посмотреть, и врач при мне ляпнула, что блондинчики хорошенькие получились. Мама черная, папа черный, а дети – блондины!

– Папа крашенный черный, – поправил я.

– Вы все равно темные, шатены. Веришь, в тот момент я поняла, что всё, только что эта тетка поставила точку в истории моей семьи. Ну а потом... Потом ты уже все знаешь...

– Почему ты ничего не сказала мне?

– А что я должна была тебе сказать? – вскочила она и взмахнула руками. – Ты всегда его прикрывал! Ты врал мне! Ты постоянно мне врал! Я думала, что ты заодно...

– Дура! – рявкнул я на нее. – Я просто не хотел тебя рас-

страивать!

– Вот и я не хотела тебя расстраивать!

Я замолчал, покрутил в руках сигареты, но курить не стал.

– Ты хочешь, чтобы он вернулся? Ты сама хочешь к нему вернуться? Только честно.

Она включила чайник, достала чай и сделала нам бутерброды.

– Не знаю, Дэн. Я так устала от него за эти два года, что не знаю, хочу ли я вообще иметь с ним хоть какие-то отношения. Я не хочу от него ничего. Ни денег, ни его присутствия, ни общения с детьми. Меня трясет от мысли, что весь этот ад может повториться. Я любила другого человека, я знала любовь другого мужчины – сильного, решительного, временами отчаянного, но нежного, страстного и любящего. Я понимала его с полувзгляда, с полу-жеста. Я два года пыталась научиться любить нового Тиля, находила в нем что-то свое, что-то особенное. Нам всем было трудно – тебе, Хагену, Клаусу. Но вы как-то нашли другую дорогу, а Тиль нашел другого себя. И этот другой убил мою любовь. Если бы он стал таким же, каким был, тем ласковым, заботливым человеком, от присутствия которого рядом я таяла, то, возможно, я бы захотела вернуться в свое гнездо и забыть весь этот кошмар. Но ты же понимаешь, что это фантастика. Сейчас я словно заморожена в айсберге – ничего не чувствую, летаргический сон какой-то. Я даже к детям ничего не чувствую. Они есть, материнский инстинкт бережет их и заботится, но

внутри у меня пустота изо льда.

– Мама сказала, что у тебя послеродовая депрессия, поэтому ты капризничаешь, – улыбнулся я ей. – Ничего, все образуется.

Мари поставила передо мной чашку с чаем и положила бутерброды.

– Да, образуется. Только надо найти нормальную работу.

– Зачем? У тебя есть я. У детей все есть, у тебя полный холодильник. Переедешь на новую квартиру с первого августа, все-таки найдем тебе нормальную няню, и ты сможешь больше заниматься собой. Дети подрастут, вернешься на студию. Куда я без тебя?

– Дело не в этом. На студию я не хочу возвращаться, сам понимаешь, там Тиль. Ты же не оставишь брата безработным. А дома... – Мари забавно покраснела. – Дома я деградирую. Мне не с кем поговорить...

– Как тебе не стыдно! – возмутился я. – Я к тебе приезжаю каждый день после работы. Весь вечер провожу с тобой и детьми, купаю их, играю с ними. Мы вечерами с тобой вместе гуляем, я рассказываю тебе о себе, а ты о себе. Я укладываю вас всех спать и сам валю домой! Что значит, тебе не с кем говорить?

Мари смущенно потупилась, сделала смешную морщину, а потом призналась:

– Я подсела на сериалы. Я смотрю их три штуки каждый день. Сегодня я нашла четвертый интересный сериал. Дэн, я

ненавижу сериалы.

– Так не смотри!

– Так днем только сериалы и показывают! Сериалы и ток-шоу. Еще не известно, что хуже! Мне не хватает людей, не хватает общения и какого-то дела. Я не домохозяйка, я ту-пею дома. Через месяц мне не о чем будет с тобой говорить! Только о том, как Яго спас Морену, после того, как эта дура поперлась купаться на горную реку и навернулась с крутого берега!

– Ой, дьявол, – скривился я. – Не дай бог...

– Кстати, интересный сериал, – со знанием дела заверила она меня.

Я рассмеялся.

– Мари, у тебя маленькие дети. Мне не в лом вас содержать, честное слово, только в радость. Я хочу приходить к тебе каждый вечер, хочу ужинать с тобой, хочу целовать тебя перед сном и желать тебе спокойной ночи, как раньше. Если ты опять дорвешься до работы, то дети точно осиротеют.

– Дэн, но ты же не можешь содержать нас вечно.

– Это не твоя забота. Считай это инвестициями в будущее моих племянников.

– К тому же ты всегда делал самый вкусный кофе по утрам, так что тем более не честно.

– Это намек? – поиграл я бровями.

– Угу... Зная связи Сюю, я перейду ей дорогу только тогда, когда решу свести счеты с жизнью.

Я покровительственно накрыл ее кисть своей:

– Для начала ей надо будет убрать меня. А я сволочь живучая. Все равно, Мари, я не понимаю...

Она задумчиво вздохнула и беззаботно махнула свободной рукой:

– А, не парься. Мне психолог сказал, что в жизни не всегда есть логическое объяснение поступкам. Иногда люди просто их совершают. И всё. Да и Тиль... Ну что он видел до меня? Только работу? Со мной он видел только работу. А вот остался без работы, и ни меня, ни работу видеть больше не хочет. Это его выбор и его решение. Пусть будет так. Возможно, я тоже была где-то не права, может быть я на него чем-то давила или раздражала, может быть мои слова его оскорбляли или еще что-то... Ты же понимаешь, я не могу адекватно оценивать эту ситуацию. Я чувствую себя униженной и оскорбленной, поэтому оправдываюсь и обвиняю. Скорее всего, у Тили тоже есть ко мне претензии. И он так же чувствует себя униженным и оскорбленным, поэтому оправдывается и обвиняет. Я ведь, Дэн, тоже не пушистая зайка. Мы же спорили, ругались, ссорились. Иногда я его злила и доводила, провоцировала... Уверена, Тилию есть, что мне предъявить. У каждого своя правда, Дэн. Когда он успокоится, ты поговоришь с ним, и он все объяснит. Не волнуйся, со мной всё будет в порядке. Жизнь в любом случае продолжается. Может быть, меня уже ищет мой настоящий мужчина, только из-за Тили он не мог меня найти. А теперь я свободна и

у него есть шанс.

Ну-ну... Только пусть попробует к тебе подойти, я этому «настоящему мужчине» быстро объясню, где выход находится.

И все-таки, чтобы она там не говорила, но я чувствовал ее боль, иногда видел по утрам заплаканные глаза, когда находил время и неожиданно заезжал к ним на чашечку кофе, иногда видел, как она «подвисает», задумываясь о чем-то своем, и даже несколько раз ловил ее тоскливые взгляды на себе. Да, я знаю, что не меня она хотела бы видеть рядом со своими детьми, и было бы логичнее дать ей возможность переболеть в одиночестве, но именно в одиночестве я безумно боялся ее оставить. Я заставлял ее есть по вечерам, придумав «традицию» – семейный ужин, вытаскивал на улицу, чтобы соседи видели – Мари не одна. Я забирал детей на выходные (из-за этого мы вусмерть разругались со Сью, теперь выходные я проводил с детьми и мамой, а Сьюзен с родителями), чтобы Мари могла отдохнуть и поспать. Месяц... Это был самый волшебный месяц в моей жизни. Голова была забита Мари и мальчишками. Я улыбался. Я просто ходил и счастливо улыбался. И никто не мог испортить мне настроение – ни недовольная Сьюзен, которой я врал про навалившуюся работу, репетиции в студии, сочинение новых песен, переговоры, совещания и прочую муть, ни брат, который бесился, когда я начинал капать ему на мозги про детей и про то, что он их бросил, ни даже Тина, которую я вообще уво-

лил. Правда, Тиль попытался за нее вступиться, назвав меня мелочным и мстительным ссыкуном, но мне было все равно. Каждый вечер меня ждали два чудесных мальчугана, ужин и женщина, которая очень старалась улыбаться. А я ждал первого августа, когда смогу перевести ее на новую квартиру, в другой район, откуда мне будет удобнее ездить и на работу, и домой.

– Кто это? – усмехнулся Тиль, закрывая дверь за очередной кандидаткой на должность няни. – Твоя новая секретарша?

Я читал копию рекомендательного письма следующей жертвы моего дотошного внимания.

– Нет, бывший претендент на роль няни для близнецов. – Я смял ее резюме и отправил в корзину. Мутная она как-то.

– Ммм, а я думал, ты решил перейти на пожилых секретарш, – брат развалился в кресле напротив меня.

– На фиг? Или ты решил обратить свой взор на женщин в возрасте? – Да, вот эту можно посмотреть. Я заглянул в ежедневник и быстро набрал ответ в форме письма.

– Нет, но няню я бы тоже брал помоложе. Очень удобно.

– Ты по делу или как? – оторвался я от монитора.

– По делу.

– Излагай.

– А что, на брата у тебя уже времени нет? – изогнул Тиль бровь и улыбнулся.

- В отличие от брата, я работаю.
- Тяжело жить на два дома?
- Я обязан перед тобой отчитываться?
- Интересно. Сюзен в курсе?
- А мне нет.

Зазвонил телефон. Это был мой менеджер из агентства по подбору персонала.

– Герр Шенк, можно ли перенести встречу на двадцать шестое июля? Время любое. Фрау Орловски не сможет двадцать пятого числа.

– Окей, давайте двадцать шестого в три. Только пусть не опаздывает.

– Конечно, спасибо большое.

Менеджер быстро распрощалась. Я сделал пометку в ежедневнике и планинге.

– Двадцать шестого в три? – переспросил Тиль, хмурясь. – Вообще-то в этот день у меня свадьба, и мы будем ждать вас со Сюзен. Хочешь сказать, что ты не пойдешь?

Черт, я совсем забыл!

– Тиль, я с большой радостью приду к тебе на свадьбу... – начал я.

– И я хотел поговорить с тобой по поводу нашего медового месяца, – перебил он. – Я бы хотел, чтобы вы со Сью поехали с нами.

– Тиль...

– Мы планируем провести медовый месяц на Багамах. Чу-

десное место. Тина уже подобрала нам отель...

– Тиль, я с большой

– Он шикарный,

– радостью приду

– все как ты любишь —

– к тебе на свадьбу,

– полный релакс.

– но я не горю никаким

– К тому же потом мы хотим

– желанием идти

– поехать в Майями на шопинг.

– на свадьбу к Тине.

– Что? – его желваки заходили.

– Что слышал, – смотрел ему в глаза.

– Тебе придется уважать мою жену.

– Кто меня заставит?

– Я.

– Рискни здоровьем.

– Это моя жена, – зашипел он.

– Твоя жена воспитывает твоих детей и нуждается в тебе.

– Моя жена...

– Твоя жена – человек, который был рядом с тобой тринадцать лет, который родил тебе двух сыновей, который...

– Это не мои дети! – сжал он до белизны пальцы.

Я ухмыльнулся.

– Тиль, ты можешь заниматься моральным онанизмом

сколько тебе угодно.

– Заткнись!

– Ты можешь сколько угодно строить из себя жертву неудачного аборта.

– Захлопни пасть! – вскочил он.

– Но ты отлично знаешь, что это твои дети. – Я на всякий случай откинулся на спинку и чуть отъехал от стола.

– Не твое дело!

– Моё, Тиль. Это моё дело. Именно поэтому ты отказываешься от экспертизы, потому что тогда придется признать, что ты урод, который заставил голодать своих родных детей. Забыл, как мать билась, когда от нас ушел отец?

– Не трогай мою мать!

Я рассмеялся.

– А чего ты так завелся-то? Плохо спишь ночами? Совесть мучает? Тебе мерещится плач своих голодных детей?

Тиль наконец-то совладал с собой. Он гордо вскинул голову и ядовито улыбнулся.

– А ты, как я вижу, уже подсуетился? Ты же всегда на нее слюни пускал. Даже все твои бабы были на нее похожи. Признайся, дрочил, когда мы трахались? – он игриво подмигнул. – Что ж, лови момент. На моем фоне ты сейчас будешь особенно выгодно смотреться.

– На твоём фоне сейчас кто угодно будет выгодно смотреться, даже Йоахим Кролл¹.

---

¹ **Йоахим Кролл** – немецкий канибал. Признался в 13 убийствах, которые

Тиль вспыхнул и покрылся красными пятнами. Ноздри гневно раздулись. Глаза заблестели ненавистью. Я смотрел на него покровительственно, с легкой ухмылкой.

– Мне вот только одно не понятно: по какой причине ты так с ней носишься? – сказал он неожиданно спокойно. – Неужели до сих пор любишь? Или просто имеешь на нее виды? Так я не жадный. Помнишь, как ты ею со мной поделился? Помнишь, как подарил великодушно? Так и сказал: «Пользуйся, брат». Так я попользовался. Можешь забирать этот секонд-хенд обратно. Эта старуха мне больше не нужна. Ни она, ни ее выродки. Пользуйся, брат.

Если бы нас не разделял стол, я бы набил ему морду. Меня словно пружиной выкинуло из кресла. Теперь я чувствовал, как кожа пошла красными пятнами, ноздри раздулись, а глаза заблестели. Я до боли сжал кулаки и зубы. Тиль смотрел на меня с интересом.

– Эк тебя торкнуло. А говорил, что между нами никогда не встанет женщина, – произнес расстроено. – Я буду тебя ждать в следующую пятницу. Перенеси встречу, все-таки не каждый день брат женится. И я забронирую вам номер со Сьюзен. Хочу, чтобы ты был рядом, Дэн, и радовался за меня. Вылет в воскресенье в пять утра.

Он повернулся и вышел. У меня было ощущение, что мне нагадили на голову. Хотелось вымыться.

начал совершать после смерти матери в 1955 году. Умер от сердечного приступа в тюрьме недалеко от Бонна.

В тот вечер я бесцельно шатался по городу. Я не мог поехать к Мари. «Пользуйся, брат» – именно так я и сказал ему много лет назад, отказываясь от бесшабашной русской девушки. Я подарил ее ему, подарил, зная, что она явно пришла по мою душу... Точнее тело. Я оберегал ее все эти годы, прикрывал, скучал, если долго не видел. Я испортил ей жизнь. Если бы тогда я дал ей возможность вернуться домой... Если бы не дозвонился... Она же уходила несколько раз, убегала от моего сумасшедшего брата, я всегда возвращал ее. Зачем? Я – ублюдок, который испортил жизнь другому человеку. Если бы группа была, если бы я не ушел из нашего дома, если бы все было нормально, то и у нее все было бы нормально. А сейчас у нас нет ничего, кроме кучи долгов и трех разрушенных жизней.

– Дэн, о чем ты мечтаешь? – Сьюзен сидела на мне сверху и разминала плечи, массировала спину.

Я смотрел в окно на бело-желтый фонарь полной луны и думал закрыть жалюзи на ночь или не стоит.

– Ну, скажи, – протянула она. – Ты какой-то загруженный в последнее время. Так много работы? Кстати, Тиль звонил вечером.

Я напрягся.

– Что сказал?

– Просил передать свои извинения, сказал, что ты поймешь. Вы поссорились? – Пальцы начали массировать кожу головы. По спине пробежали мурашки удовольствия.

– Типа того.

– Он сказал, что был не прав и просил простить его. Сказал, что ждет нас в следующую пятницу к одиннадцати у них дома.

– И всё?

– Нет, – улыбнулась она.

Моя кожа снова покрылась мурашками, только теперь от скованных мышц.

– Тиль велел мне собирать вещи, сказал, что мы вчетвером полетим на Багамы в воскресенье. На две недели. Здорово, правда!

Я кивнул.

– Мы так давно нигде не отдыхали. Ты все время пропадаешь на работе, в выходные таскаешься с чужими детьми, у тебя совсем на меня нет времени.

– Сюю, не начинай, – спихнул я ее с себя.

– Ну, Дэн, – заканючила она, обнимая меня и прижимаясь ухом к спине. Пальчик рисовал узоры на коже. – Скажи, чего бы ты хотел больше всего на свете?

Я еще раз посмотрел на луну.

– Я хотел бы, чтобы группа была, чтобы было все, как прежде... – Чтобы жить в нашей квартире, где у меня была отдельная спальня, чтобы делать по утрам на нас троих кофе, а вечером обсуждать дела, чтобы у меня был брат, чтобы Мари улыбалась, и чтобы этого кошмара не было. Чтобы ничего этого не было. Чтобы было всё, как прежде.

Сьюзен улыбнулась и чмокнула меня между лопаток.

– Какие у тебя... неинтересные мечты... Интересно, а на Багамах сейчас какая погода?

Я встал и закрыл жалюзи. Не хочу видеть эту дурацкую луну.

Неделя прошла ужасно – в суете и беготне. Я отдал Сьюзен на растерзание свою кредитку. Она звонила беспрестанно, спрашивала, какие из моих вещей я хочу взять с собой, что надо докупить, подойдет ли ей это коктейльное платье или лучше другое. Что я надену на свадьбу, потому что ей надо подобрать соответствующее платье. Дети капризничали. Мари была какой-то озлобленной, дерганной. Зачем-то сменила номер телефона. Когда я до нее не дозвонился, думал, поседею. Сорвался к ней посреди рабочего дня – испугался, что она куда-нибудь сбежит, ищи ее потом по всему миру. Мама лезла со своими расспросами мне в душу – Тиль всех подключил, обложил со всех сторон. Да и сам брат был милейшим и добрейшим человеком всю неделю, ну как такому отказать? Один я не знал, как сказать Сьюзен, что на свадьбу не пойду и ни на какие Багамы не поеду. А еще во мне вдруг родился какой-то страх. Я видел истеричное состояние Мари, я знал, что она держится только на людях, я боялся оставлять ее одну. Все газеты пестрели заголовками о приготовлении к свадьбе. В новостях по телевизору обсуждали дорогой наряд невесты и кольцо с бриллиантом за полмиллиона. Тина с журналистами какого-то ток-шоу выбира-

ла себе платье и подбирала прическу. Мари старательно растягивала губы, встречая меня, только взгляд, как у зверя в западне. Ее нельзя оставлять одну. Ее категорически нельзя оставлять одну.

Переговоры шли трудно, долго и утомили всех. Тиль выторговывал нам кредит на максимальную сумму при минимальных процентах. Точнее кредит был старый, а вот процентные ставки Тиль хотел новые. Пожалуй, брата можно было любить хотя бы уже за еврейский талант выгрызать максимум и отдавать минимум. Банкир сдаваться не хотел, мотивируя это тем, что мы и так пользуемся его банком исключительно за спасибо. Честно говоря, я уже так устал, что готов был сам приплатить Герберту, лишь бы тот убрался из нашего офиса в свой паршивый банк, но Тиль вежливо скалился и стоял на своем.

– Герберт, у меня завтра свадьба, ну сделай же мне подарок, в конце концов! – шантажировал его брат, мило улыбаясь.

– Тиль, ты пускаешь меня по миру, – не менее мило лыбился банкир.

– Мы же много лет являемся клиентами вашего банка. Герберт, ты же понимаешь...

– Герр Шенк, – осторожно просунула голову в кабинет новая секретарша.

– Габи, я же просил не отвлекать, – бросил я раздраженно.

– Герр Шенк, там... – Габриэлла несмело пошла в мою

сторону, неся в руках трубку.

– Кто это? – Если это Сюзен, я уволю эту тупую овцу. Сразу же уволю. Сейчас же!

– Это Мария. Там... – она запнулась. Я взял трубку.

Тиль удивленно глянул на секретаря, потом вопросительно посмотрел на меня.

– Извини, Герберт, – прикрыл я трубку и вежливо улыбнулся. – Да?

– Дэн? – ее голос звенел от напряжения так, что, кажется, по проводам бежал ток. Сердце со всей силы дернулось в груди и сжалось до нестерпимой боли. Я почувствовал, как спина мгновенно взмокла, а руки похолодели. – Они забрали детей.

Меня все-таки шарахнуло током по всем нервным окончаниям одновременно. Я с ужасом перевел взгляд на брата.

– Кто? – еле разлепил губы, уже отлично зная ответ. Надежда билась в предсмертной агонии.

– Что случилось? – осторожно спросил Тиль, внимательно следя за мной.

– Югендамт².

---

² **Югендамт** – немецкая служба по делам защиты детей не подконтрольна никому, и даже криминальная полиция старается обходить её стороной. С 1 июня 2008 г. детским врачам в Германии позволено осматривать детей на предмет следов насилия, оказываемого в отношении них родителями. Социальные работники, приняв решение о том, что ребёнку в семье угрожает опасность, вызывают полицию, которая безо всяких ордеров изымает ребёнка и перевозит в указанный чиновниками приют или приёмную семью. По немецкой статистике, количество изъятых детей за прошедший год выросло на 60%, 28,2 тыс. детей и подростков

– Я сейчас приеду. Ничего не делай, никому не звони. Я уже еду.

– Дэн. – Ее протяжный всхлип разорвал мою грудь в клочья.

– Я сейчас... Я быстро... Я еду...

– Что случилось? – Тиль попытался ухватить меня за руку, когда я пронесся мимо него. Я лишь отмахнулся, выбегая из кабинета, судорожно набирая номер матери.

были уже вывезены из семей, а ещё 125-250 тыс. детей являются кандидатами на перемещение. Всё это привело Германию к тому, что уже не находится семей для временного содержания детей. Возвращение детей в семью крайне проблематично, а возвращения младенцев в 99% случаев не происходит вовсе, даже если родители смогли доказать, что изъятие было ошибочным.

Глава 3

Не знаю, с какой скоростью я несся по стоящему в час-пик городу, наплевав на все камеры, светофоры и полицейских. Меня колотило так, что пальцы сводило, а пот горошинами стекал по вискам и капал на рубашку. Югендамт – даже спустя двадцать пять лет меня трясет от этого слова, как долгие годы трясло нашу мать и отчима, как трясло всю нашу семью. Югендамт – сучий потрох, из-за которого мы среди ночи едва ли не в пижамах экстренно валили из Лейпцига в дыру под названием Лойтше, а потом еще два года не высывали носа из дома и как шуганные драпали под родительское крыло, едва заметив чужого на улице. Югендамт – твари, из-за которых мы начали выступать на год позже, которые преследовали нас попятам, вычитывая контракты, графики гастролей, проверяли отели и еще черт знает что! Что же это за напасть на нашу семью? Почему Мари? Кто? Кто мог натравить на нее бераторов? Я лично убью эту тварь! Собственными руками.

К дому Мари мы с мамой подлетели одновременно. Наверное, у меня был такой же вид как у нее – сумасшедший.

- Что она сказала? – схватила мама меня за рукав.
- Не знаю... – Я бросился бегом в квартиру.

Дверь оказалась открытой. Я даже испугался, что русская

натворила каких-нибудь глупостей. Мари сидела на диване, в самом углу, поджав ноги, обняв телефон, и смотрела на меня так, словно хотела убить взглядом. Никаких истерик или слез. Просто тяжелый, уничтожающий все живое взгляд.

– Я позвонил адвокату, он сейчас приедет сюда, – сел я рядом с ней. Нет, все-таки ревела: глаза красные и щеки красными пятнами покрыты. – Держись. Нас отбили. И твоих отобьем.

– Мари! – вбежала мама. – Как же?

Она схватила ее за предплечье и чуть сжала. Мари болезненно вскрикнула, резко отдернула руку. Мама двумя пальчиками развернула ее – на коже постепенно выступали сиреневые разводы.

– Что это? – ахнула мама.

– Сопротивление полиции, – рыкнула она, снова зажимаясь.

– Я позвонила отцу, – нервно забормотала мама, отступая. Ее голос был хриплым и дрожал. – Он сейчас поднимет все наши связи. У меня клиент один... Он не последний человек в правительстве. Ему я тоже позвонила. Он обещал помочь.

– Я тоже говорил с дедом, сейчас подключим мэрию и прокуратуру. Давай, не кисни. Все будет хорошо. Завтра дети будут дома. Ночью мы их вряд ли выцарапаем, а завтра, клянусь, завтра самое позднее днем, мальчишки будут уже дома.

– И вы с ними переедете ко мне, – жестко добавила мама. – Хватит с тебя самостоятельности. Ты для них лакомый

кусоч. Теперь не отвяжутся.

Мари вся сжалась, словно перед прыжком. Лицо аж почернело от гнева. Она глянула на меня. Я почему-то испугался, что Мария сейчас выставит меня вон в лучшем случае. Она резко подорвалась с места и едва ли не бегом вылетела в коридор. Мы с мамой переглянулись. Там что-то гроыхнуло, как будто рассыпалось. Она явно психованно рылась в коробках, в которые собрала вещи для переезда. Я осторожно выглянул в коридор. Точно! Мари копалась в коробках, выкидывая все на пол.

– Вот! Вот, Дэн! – продемонстрировала она чью-то визитку. – Помнишь, мы в прошлом году были на банкете, помнишь? Там еще твои ребята выступали? Визитка! Это министр образования. Аннетте Шаван! Я говорила с ней. Помнишь? Она дала мне свою визитку и сказала, чтобы я обращалась в случае чего. Мы еще делали ряд благотворительных концертов под патронажем их министерства, а я потом ряд статей сделала для них и интервью с ней лично, помнишь?

Я выхватил визитку и умчался на кухню звонить министру образования и науки Германии. Если надо я и до канцлера дойду!

Время шло. Мы с мамой сделали всё, что могли, обсудили с адвокатом, как будем действовать завтра, потому что сегодня уже никто не работает. Детей, скорее всего, поместили в киндерхайм, и в нашу задачу входит забрать их оттуда максимально быстро, пока нам не выставили счет за их содержа-

ние, а Мари не лишили опеки. Ближе к ночи приехал отчим. Нам постоянно звонил кто-то из родственников, спрашивал, как дела. А как у нас могут быть дела? Мари сидела в углу дивана, обхватив ноги руками, и злобно смотрела перед собой. Я метался по комнате, натыкался на коробки с вещами и матерился. Мама сновала между кухней и комнатой, то порываясь всех покормить, то переставляя детские баночки с кремами, то начиная что-то бормотать про то, что недоглядела, нельзя было Мари отпускать никуда, знала же, что этим может кончиться.

– Я еще очень хочу знать, какая сука натравила на нас этих уродов. Мари, ты с соседями ссорилась? Вспомни, может кто-то что-то тебе сказал? Может еще что-то? Может, когда эти ублюдки тут были... – Я прикусил язык, чтобы не вызвать ее истерики.

Мари очень медленно повернулась в мою сторону. Если бы я верил в бога, клянусь, я бы начал молиться. Мама даже выронила чашку из рук. Мария стала похожа на ожившего демона – черные глаза, взъерошенные волосы, перекривившийся от гнева рот. Она как потустороннее животное как-то странно сползла с дивана, поднялась на ноги (и мне помережились черные крылья за ее спиной) и обжигающе посмотрела на меня. Я сморгнул несколько раз – демон, натуральный демон, даже глаза, кажется, горят алым.

– Сука! – прошипела с такой ненавистью, что человек, которому было послано произнесенное проклятие, должен

был моментально сгореть синим пламенем.

— Кто? — отшатнулась мама. Я тоже отступил на шаг. Бля, никогда не думал, что ее можно так разозлить. Она же реально сейчас пойдет и зубами выгрызет сердце у обидчика.

— Тина, — цедила Мари сквозь зубы. Хо-хо! Похоже, брат станет вдовцом еще до свадьбы! Мари ее убьет. Совершенно точно убьет. — Она позвонила в понедельник и сказала, что если я не отвяжусь от Тиля, то сильно пожалею. Сказала, чтобы я не смела ему названивать и навязывать детей. Нахуй он мне сдался! — оскалилась зло. — Я его знать не желаю! Буду с голода подыхать, но даже тогда не наберу его номера! — Краем глаза я заметил, как мама болезненно сморщилась. Слава богу, она промолчала. Представляю, каково ей слышать такое о любимом сыне... — Она еще во вторник звонила, я не взяла трубку. А в среду номер не определился, я ответила, и она опять закатила истерику. Я не стала с ней говорить, просто пошла и купила новую сим-карту.

Мы с мамой покосились друг на друга.

Ты же хотела, чтобы я с ним поговорил... — виновато глянул я на мать. Нда, как-то хреново вышло... Я целый месяц капал Тилю на мозги, что он нужен своим детям, и дети же в итоге пострадали. Благими намереньями...

— Господи, — мама уселась на ближайший табурет и закрыла лицо руками. — За что мне это всё?

Мари метнула на меня злобный взгляд. И стало ясно — она обо всем догадалась, и я буду первым, у кого она вырвет

сердце. Я нервно сглотнул.

– Мари, иди в машину, поехали домой, – строго рявкнул на нее Гордон. – Шарлотта, возьми необходимые вещи и документы, которые нам завтра понадобятся.

Резко обернувшись, Мари открыла рот, чтобы возразить, но отчим ей и слова не дал вставить, повысил голос и даже подпихнул к выходу:

– Я сказал, иди в машину. От того, что сейчас ты тут со всеми переругаешься, ничего не изменится. Ты завтра должна выглядеть, как человек, а не дерьмо собачье. Что стоим? – прикрикнул он на нас. – Быстро взяли что надо, и валим домой. Спать давно пора, а тут негде.

Домой к маме мы ехали молча. Отец вел машину, мама на переднем сидении нервно курила одну за одной. Мари сидела с каменным лицом и смотрела перед собой. Я прокручивал в голове, кому мы еще можем позвонить завтра. Вроде бы всё, что можно, я уже сделал. Остается дожидаться завтра.

– Мари, а они что-нибудь сказали? Они же не могли вот так просто прийти и забрать детей? – осторожно спросил я, внутренне напрягаясь – демон, сидящий в моей доброй и ласковой девочке, наверняка где-то еще рядом.

Она покачала головой.

– Они позвонили. Сказали, что соседи, – она говорила совершенно спокойно. – Я открыла, думала, может, случилось что-то. Женщина и трое полицейских.

– Она представилась? – повернулась мама.

– Да, сказала, что из службы защиты детей, им поступила жалоба о жестоком обращении с детьми. Мими только-только заснул, Алекс капризничал. Она прошла, осмотрелась. Сказала, что всё поняла, велела полиции забирать детей. Я потребовала объяснений. Они начали отбирать Алекса, тот испугался, закричал. Мими проснулся, тоже закричал, они схватили его. Я попыталась забрать ребенка, меня скрутили, отобрали Алекса. Я вырвалась, кинулась за детьми...

Я осторожно обнял ее за плечи. Погладил по руке.

– Шарлотта, вы извините... Я... Просто я... – замялась она.

– Я понимаю, не переживай. Завтра мальчики будут дома, а ты будешь жить у нас. Одинокие безработные мамы вызывают слишком много вопросов у ненужных людей.

– Я заберу детей и уеду в Канаду, туда, где меня никто не посмеет тронуть.

– Кто тебя отпустит? – усмехнулся я, прижимая ее к себе покрепче. – Шенки должны жить в семье.

– Я не Шенк, – буркнула она.

Я заглянул ей в глаза и ласково улыбнулся:

– Ты мать детей моего брата, а значит член нашей семьи. Следовательно, тебе надо держаться поближе к своей семье.

– У тебя логика, как у блондинки, – фыркнула она.

– Какая есть, – рассмеялся я, сжимая ее руку. – Какая есть.

Слава богу, в маминой квартире нашлось место для всех. Мари она положила в гостевой комнате, меня – в гостиной

на диване. Нет, конечно, я мог поехать домой, тем более, что Сьюзен обзвонилась, наоставляла кучу сообщений, но я боялся за Мари. Она была сама не своя, и хоть из «демонического состояния» вышла, все равно я переживал, что она наделает каких-нибудь глупостей. Проверая перед сном пропущенные вызовы и смс, я наткнулся на пару пропущенных звонков от Тили и смс: «Дэн, что случилось? Что-то серьезное?» Я хотел написать, что у Мари забрали детей, предположительно с подачи Тины, и попросить у брата помощи – ведь он отец, он имеет на них право, он может их забрать, в конце концов. Стрелочка показывала, что у сообщения есть продолжение. «Надеюсь, это не помешает тебе прийти на мою свадьбу?» Я перечитывал и перечитывал последнее предложение, сверял с именем отправителя, перелистывал смс туда и обратно. Мысленно я отлично видел, как Тиль откладывает все дела, едет с нами в Югендамт, забирает близнецов, как Мари счастливо вешается ему на шею, и из-за чертова хэппи-энда всей этой тупой истории у меня даже разыгралась ревность. Только всего одна фраза – «Надеюсь, это не помешает тебе прийти на мою свадьбу?» – разрушала мою счастливую историю с ее не менее счастливым концом. Я стер его смс. Боюсь, что завтра на твоей свадьбе не будет самого главного, Тиль, – твоей семьи. Отличный подарок преподнесла невеста своему будущему мужу. Аплодирую стоя.

Утром меня разбудил не привычный птичий щебет за окном, а громогласный голос деда. Я сел на диване, свесил ноги

и сонно уставился на людей в гостиной – тетка с мужем, моя двоюродная сестра Анна, дед и бабушка. В столовой кто-то еще громко галдел.

– Хватит спать! – рявкнул дед и радостно хлопнул меня по плечу.

Я сонно таращился на родственников.

– Даниэль, вставай! – противным голосом протянула кузина.

– Давай-давай, просыпайся! – потрепала меня по голове тетя Ингебора.

– Сколько времени? – прохрипел я.

– Уже почти шесть, – сообщил дядя Герман крайне довольным голосом.

– А кто там? – кивнул я в сторону стены, разделяющую гостиную и столовую.

– Все наши приехали, – сообщила Анна. Я в ужасе уставился на кузину. – У деда есть план.

– Какой план? – непонимающе повернулся я к дедушке.

– Как спасти детей!

– Дед! – простонал я. – Ну какой план? В девять мы встречаемся с адвокатом у офиса и...

– Какой адвокат? – сдвинул дед кустистые брови. – В девять у их офиса должны стоять люди!

– Какие люди? – закатил я глаза. Ужасно хотелось курить. А еще очень хотелось тишины.

– Которые подтвердят, что моих правнуков никто не оби-

жал!

– Окей, окей, окей, – замахал я руками, дотянулся до джинсов и ушел умыться. С дедом лучше не спорить. Ему за восемьдесят, а жару он даст не хуже двадцатилетнего. А уж когда мой дедушка находит повод для войны, то лучше быть с ним по одну сторону баррикад.

В столовой пили кофе мои родители и моя двоюродная тетка Хелен с моим еще одним кузенком Клаусом и его супругой Софи. Сюда же переместилась Анна с родителями и бабушка.

– Вы на свадьбу что ли все приехали? – окинул я грустным взглядом родственников.

– О какой свадьбе может идти речь, когда дети в приюте! – воскликнула тетя Хелен. Все тут же начали кивать.

– Вы в Югендамт со мной что ли поедете? – округлил я глаза.

Все опять начали кивать.

– Мы тебя с твоим братом-засранцем отбили, и этих детей отобьем, – гордо сообщила тетя Ингебора.

– Вы что, с ума сошли? – возмутился я.

– Здрасти, – произнес кто-то робко у меня за спиной. Я обернулся. Мари, взъерошенная со сна, кинула на меня вопросительный взгляд.

– Я же тебе сказал, что ты не одна, – широким жестом обвел я столовую. – Знакомься, это наша семья. Мария, жена Тиля, – представил я гостью присутствующим.

– Я ему не жена, – процедила она недовольно, растягивая губы в улыбке и вежливо кивая.

– Мария, деточка, иди сюда, садись, – засуетилась бабушка, подвинула стул, унеслась на кухню, спорим, что за завтраком для русской невестки. Нет, чтобы о внуке позаботиться.

– Дайте, я на нее посмотрю! – пробасил дед.

Мари пришибленно уставилась на стремительно приближающегося к ней мужчину.

– Как же ты детей не уберегла? – схватил он ее за плечи и заставил подняться.

– Я... – пискнула Мари.

– Дед, не трогай ее, – попытался я отбить гостью из его сильных лап.

– Вольфганг! – сделала ему замечание бабушка.

– Папа! – в один голос воскликнули мама и тетя Ингебора.

– Дед, – влез я между Мари и дедушкой. – Не трогай ее. Ей и так вчера досталось. – Я дернул вверх рукав водолазки, демонстрируя ему синяки на предплечьях. – Она даже с полицией подралась.

Мари дернула руку, чтобы спрятать следы вчерашней битвы, но дед успел ухватиться за нее быстрее. Бросил беглый взгляд на сиреневые пятна, отодвинул меня в сторону и крепко обнял девушку:

– Наша порода.

Черт, я с ним на кладбище отправлюсь гораздо раньше назначенного срока.

– А, ну, пристал, старый черт, к ребенку! – замахнулась на него бабушка полотенцем. – Мария, девочка, иди сюда, садись вот тут. Не обращай внимания на дурака. Дэн, что ты стоишь, как будто к ногам якоря привязали? Иди ешь, я кому завтрак грела? Давай, моя хорошая, кушай, – гладила она Мари по голове, – и будем решать, кто что делает. Ты не переживай, вернут нам детей. Знаешь, какой дед у нас настойчивый. Ох, с ним вообще лучше не связываться – себе дороже выйдет.

Мы с Мари переглянулись и уткнулись в свои тарелки.

План деда был простой, гениальный и не сулил нам ничего хорошего. Мы с Мари, мамой, дедом и адвокатом должны были поехать в Югендамт и поговорить с начальством бератора, которая вчера забрала детей, а все остальные родственники должны были привезти туда же свидетелей, которые бы подтвердили, что дети росли в любви и заботе. Тетю Хелен снарядили за риэлтором, который подбирал для нас квартиру и который согласился подтвердить, что я вынул ему все мозги, требуя найти жилье со всеми благами специально с учетом близнецов. Клауса и Софи послали в агентство по подбору персонала за менеджером, который подгонял мне нянь. Ради «дорогого клиента» с ним согласился поехать сам директор агентства. Я уже мысленно подсчитывал дополнительные комиссионные. Тетя Ингебора и дядя Герман должны были поговорить с соседями, а Анна обещалась привезти из магазина хоть какого-нибудь продавца, который готов

доказать, что мы с Мари регулярно оставляли там крупные суммы на еду и детские вещи. Бабушка взяла на себя самое ответственное дело – притащить в Югендамт медсестру, которая курировала близнецов.

– Скажешь, что он твой муж, – тыкнул в меня пальцем дед. – Живете только без росписи.

– Да вы что? А если они узнают? – возмутилась Мари.

– А кто узнает? – шурился дед. – Давно живете вместе, а тут поссорились. Ну ты обиделась и ушла. Сейчас вы помирились и вот все ждали, когда на новую квартиру переедете, чтобы детям было удобно. Почему поругались? Потому что работал много, на гастролях постоянно, но сейчас ты сидишь дома и всячески помогаешь ей с детьми, понял?

– Дед, это бред! – воскликнул я.

– Что в документах написано? Ничего. Она родила, когда ты был на гастролях, вот и обиделась. Бабы – дуры. Сейчас вы переезжаете на новую квартиру и расписываетесь.

– Простите, герр... – попыталась мягко возразить Мари.

– Зови меня дедом.

– Ээээ... – покосилась она на меня. Я лишь пожал плечами. – А если они потом захотят проверить, действительно ли мы расписались?

– Это будет уже потом. А сейчас нам надо детей забрать. И ты будешь при мужике. – Дед гордо треснул мне по плечу. – Дэн, езжай в банк, возьми выписку со счета. Нам надо подтвердить, что у тебя были существенные расходы на тво-

их детей.

– Ээээ... – в свою очередь промычал я.

– Ну, шевелись же, увалень! – командным голосом рявкнул на меня дед, и я не посмел послушаться.

Следующие несколько часов ада я бы не хотел пережить больше никогда в жизни. Более того, я бы не желал их пережить даже своему самому злейшему врагу. Это было несколько часов унижения и форменного насилия над психикой. Я миллион раз поблагодарил бога и своего болтливового брата, что жил с Мари в одной квартире десять лет, знал все ее привычки, включая на каком боку она засыпает и какие позы предпочитает во время секса. Мари была какой-то застывшей, с совершенно непроницаемым лицом и жестким взглядом. Она говорила мало, вела себя спокойно, а когда я обнимал ее в коридоре, то чувствовал, как дрожит тонкое тело. Дед шумел, кричал и стучал кулаками. Мама и бабушка истерили. Обе теткы орали. Югендамт вешался от нашей семьи. Мы заставляли бераторов выслушать наших свидетелей, которые как один долдонили, что мы с Мари самая лучшая пара на всей Маловер штрассе, что я заботливейший из отцов, а Мари – примернейшая мать. Адвокат давил на нарушение закона и несоблюдение прав личности. Дед звонил в Лейпциг (мэр города был его школьным приятелем), просил поддержать «тяжелой артиллерией». Я уже знал, что были звонки из Министерства образования и прокуратуры Берлина, звонили из правительства и еще откуда-то. Мы давили со

всех сторон. Бераторы не сдавались. Когда все рычаги давления были использованы, Йоахим, мой адвокат, задумчиво почесал затылок и вышел на улицу покурить.

— Есть у меня одна идея, — тихо сказал он, выпуская дым. — Она не очень хорошая. И тут фифти-фифти выгорит или нет. У меня друг работает в полиции, в специальном отделе. И он на короткой ноге с прокуратурой и налоговой. В общем, я могу ему позвонить и инициировать прокурорскую и налоговые проверки деятельности этого отделения и законности его действий.

— Окей, сколько это будет стоить?

— Я не знаю. Югендамент имеет право держать у себя детей сорок восемь часов, потом должен быть семейный суд. Выходные выкидываем, получается, что по вашим детям суд будет в понедельник. Учитывая, что судья годами работает с этими людьми, скорее всего дети будут отправлены в киндерхайм, а оттуда в приемную семью, откуда ты их никогда не достанешь. Ты же понимаешь, какое это бабло, и никто от него не откажется добровольно.

— Звони.

— Даниэль, мы можем проиграть. Это серьезный риск. Тогда вы тем более потеряете детей.

— Звони. Ты видел дело?

— Да, именно поэтому я думаю, что можно сейчас воспользоваться помощью друга. Наше счастье, что они детей забрали вчера в ночи, а мы приехали сегодня с утра. У них просто

не было времени нормально подготовиться. В действиях бератора полно нарушений, но они тоже могут быть обжалованы только в суде. Марии же не дали никаких документов по поводу изъятия детей? Они не провели никакого внутреннего расследования, пришли и забрали детей. Там только заявление от Тины Хелзет и скрин странички в интернете, что Мария продает своих детей. И всё. Одно заявление и скрин. Больше ничего – ни опроса соседей, ни врачей, ничего, никакой проверки.

– А страница такая существует? – скрипнул я зубами.

– Да, существует, я проверил. Ты уверен...

– Я уверен. Это подстава. Последние недели я вдалбливал брату, что он нужен своим детям. Видимо, он рассказал об этом Тине. Она угрожала Мари, звонила...

– Отлично. Смс были?

– Не знаю.

– Не важно. Распечатку звонков я сделаю. У меня к тебе предложение. Оно не очень законное, но это единственный способ доказать, что Марию подставили.

Я посмотрел Йоахиму в глаза.

– У меня есть ключи от дома Тиля.

– Вот и отлично. Вали к Тилю, а я буду звонить другу, делать распечатку звонков. И моли бога, чтобы Тина Хелзет не удалила свою страницу с того сайта.

Не буду говорить, какими словами меня встретила Сью... Я влетел в квартиру и в поисках ключей от дома Тиля выпо-

трошил все ящики трюмо в прихожей. Сюзен кричала, заламывала руки, даже разрыдалась, но мне было не до нее. Поцеловав ее в щеку, я умчался к Тию.

Дом сиял чистотой. Везде стояли охапки белых роз. Все вокруг украшено шариками и явно ждало молодых. Я метался по комнатам, в поисках ноутбука Тины. Куда же она его дела? Так... Думай, Дэн... Спальня? Я быстро заглянул везде, где Тина могла оставить ноут. Нет. На стене висел большой фотопортрет фрау Хелзет. Я как-то растерянно глянул на постель, усыпанную лепестками роз. Постель Мари и Тили... Твою мать... Его дети в приюте, а он веселится... Я подцепил портрет Тины. Снял его со стены. Бросил на кровать. Взял первую попавшуюся вазу и с размаху швырнул ее на улыбающуюся рожу бывшей секретарши. Выпотрошил стеклянные осколки на покрывало, разорвал в клочки фотографию и подкинул их вверх. Нескучной ночи, мерзкая сука.

Ее ноут я нашел в кабинете брата. Взял, как самую большую драгоценность, и понес в машину. Надеюсь, Тина не изменила своим привычкам и до сих пор не ставит нигде пароли. Да и страничку ту секретарша вряд ли удалит – она нужна, чтобы отнять у Мари детей.

Я припарковался у здания Югендамта, из машины заметив, что Йоахим и половина моей семьи нервно курят на крыльце. Все смотрели на меня с такой надеждой, словно я крестная-фея, которая сейчас будет превращать тыкву в карету. Будет очень смешно, если мы с Йоахимом ошиблись...

– Даниэль Шенк? – вышел из толпы офицер полиции.

Сказать, что я очканул, значит, ничего не сказать. Проникновение в чужое жилище... Порча, пусть мелкого, но имущества... Воровство...

– Здравствуйте, я Петер Фиц. Йоахим просил меня помочь вам.

Мы обменялись рукопожатиями. Он смотрел на меня с интересом. Я бы даже сказал – рассматривал, как рассматривают человека, о котором много слышали, но никогда не видели.

– Моя первая любовь была фанаткой вашей группы, – тихим доверительным тоном произнес он. Я криво улыбнулся. – Она заставляла меня ходить на ваши концерты, чтобы посмотреть на своего любимого «Дэнни». Однажды мы даже ездили во Францию... Вся ее комната была обвешана вашей рожей. Она была везде – на стенах, полу, потолке и в туалете. Я ненавидел вас так сильно, как, наверное, никто вас не ненавидел, потому что она мечтала лишиться невинности только со своим драгоценным «Дэнни».

Я внимательно посмотрел на мужчину, раздумывая, как бы покорректней отказаться от его услуг.

– Очень приятно.

Он хохотнул и подмигнул мне.

– А теперь спустя пятнадцать лет я помогаю своему злейшему врагу Даниэлю Шенку вытащить его детей из приюта! Какой парадокс, а! Йоахим рассказал мне вкратце о произо-

шедшем, я поговорил с вашей семьей. Если вы привезли то, что надо, не думаю, что у господ из ювенальной полиции возникнут дополнительные вопросы.

Я протянул ему ноутбук:

– Если вы поможете своему злейшему врагу, обещаю, в долгу не останусь.

– Бросьте. Будем считать это маленькой мстью моей первой девушке. – И почти прошептал мне в ухо: – Если бы она тогда знала, что я буду стоять вот так рядом с вами, она бы лопнула от зависти пятнадцать лет назад и не разбила мне сердце.

Станный тип.

Когда мы всей толпой опять зашли в кабинет начальника Югендамта, бедную фрау Инку Альбрехт аж передернуло от ужаса. Она набрала в легкие побольше воздуха, чтобы выгнать нас вон, однако Петер вышел вперед, очаровательно улыбнулся, представился и поставил на стол перед ней ноут Тины.

– Фрау Альбрехт, у нас есть все основания подозревать, что фрау Хелзет намеренно ввела в заблуждения вашу службу, оклеветав фрау Ефремову. Вот распечатки ее звонков и смс-сообщений фрау Ефремовой с угрозами.

– Мы с братом близнецы, – пояснил я. – Фрау Хелзет считает, что ее жених встречался с моей супругой и является отцом моих детей, поэтому она угрожала Марии расправой. Именно из-за этого фрау Ефремова на время моего отсут-

ствия уехала из дома, пока я был на гастролях с группой. Она опасалась преследования со стороны фрау Хелзет.

Родственники загалдели, подтверждая мои слова.

– От фрау Ефремовой поступало два заявления о преследовании, – положил Фиц на стол перед женщиной ксерокопии заявлений. – Дело было урегулировано в досудебном порядке, однако фрау Хелзет не так давно снова начала преследовать фрау Ефремову.

– Почему вы не сказали об этом сразу? – строго спросил фрау Альбрехт, глянув на Мари.

– Я не знала, по чьей вине пострадали мои дети, поэтому не посчитала важным сразу же поставить вас в известность о действиях этой особы. Естественно, когда стало известно, что это именно она оклеветала меня, мы попросили господина Фица вмешаться и подтвердить мою невиновность.

Петер включил ноутбук Тины.

– Сейчас на ваших глазах в присутствии, – он окинул взглядом толпу моих родственников, – множества свидетелей, мы проверим, кто же на самом деле предлагал детей к продаже.

Система запустилась. Петер достаточно шустро подключил вай-фай.

– Фрау Альбрехт, прошу обратить внимание на пользователя, от имени которого запускается интернет, – Тина. У меня есть основания полагать, что владельцем ноутбука и пользователем интернета является именно Тина Хелзет. Мы сде-

лаем запрос в компанию-провайдер, чтобы уточнить, на чье имя зарегистрирован аккаунт с данным IP-адресом

Петер зашел в журнал последних записей. Йоахим протянул ему адрес проклятой страницы.

– Фрау Альбрехт, прошу обратить внимание, что страница автоматом выпала в адресной строке, то есть ее набирали до меня. Так же обратите внимание, что в журнале записей данная страница впервые появилась две недели назад. То есть еще две недели назад пользователь этого компьютера создал ту самую конфликтную страницу.

Женщина кивнула.

– Вы видите, страница загрузилась в режиме личного кабинета, в котором возможно редактирование и добавление других записей к уже существующей странице о продаже детей?

– Да, но откуда я знаю, что это не ноутбук фрау Ефремовой?

– Почта! – с волнением подсказала Мари. – У нее подпись всегда была на личном ящике.

Петер снисходительно глянул на Мари и перешел на почтовый сайт. Он открывал личные письма и мои письма по работе с указаниями, увидел письмо с сайта знакомств, щелкнул на него и выскочил на личную страничку Тины с ее фотографиями. Везде присоединен ее личный мобильный, подпись, название компании, общие телефоны.

– Как видите, компьютер принадлежит Тине Хелзет. Мои

специалисты подготовят для вас отчет с подробной раскладкой, кто, когда и каким образом отправил информацию на тот сайт.

– И дети это не мои! Мои маленькие, им только три месяца, а на фотографии малыши уже сидят! – воскликнула Мари. Родня тут же одобрительно загудела.

Фрау Альбрехт несколько секунд размышляла, потом набрала короткий внутренний номер:

– Моника, позвони в киндерхайм, попроси подготовить детей фрау Ефремовой. За ними сейчас приедут. – Мари взвизгнула и от радости кинулась на шею маме. Фрау Альбрехт недовольно покосилась на нас и положила трубку. – Подойдите к Монике, она расскажет вам, как забрать детей.

– Фрау Альбрехт, мы хотели бы забрать у вас это дело на расследование с последующей передачей в суд за клевету и преследование.

– Конечно, герр Фиц, мы все для вас подготовим, от вас нужен будет официальный запрос.

– По полной форме, – кивнул Петер.

– Инка, – по-отечески похлопал дед фрау Альбрехт по плечу. Та аж в лице изменилась от подобной фамильярности. – Сделай мне копии этого заявления и этой странички, будь любезна.

– Дед, пойдем, – от греха подальше потянул я его за рукав. В кабинете остались только мы с дедом, адвокат и полицейский.

– Подожди. Ведь это та женщина, на которой сегодня женится твой брат? Я так понимаю?

– Ну, – раздраженно скривился я.

– Инка, сделай мне копию заявления и той странички, будь любезна, – настырно попросил дед. – Уважь старика.

– Я попрошу секретаршу, – дежурно улыбнулась фрау Альбрехт.

– Спасибо, Инка, – он как-то рассеянно еще раз провел по ее плечу и вышел из кабинета.

Мимо нас с дедом пролетели к выходу толпой все наши женщины с горящими глазами.

– Дэн, вы езжайте тогда за детьми, мы тут с Петером дела доделаем, – Йоахим вышел от фрау Альбрехт. – И в понедельник с утра подъезжайте с Мари в полицейский участок. Надо оформить всё как следует. Петер сегодня договорится, кому дело передать, что вообще делать. Ну, он тебе сам все скажет в понедельник.

– Спасибо.

– Давай, а то твои без тебя сейчас уедут. – Улыбнулся и добавил с издевкой: – Папаша!

Мы шли с дедом по коридору. Он аккуратно складывал два листа – копию заявления Тины и скрин странички из интернета. Убрал их во внутренний карман пиджака. Рука задержалась у груди.

– Дед, может, ты домой поедешь? Отвезти тебя? Устал ведь. Сердце болит? Врача вызвать?

– Нет, все нормально. Надо внучат забрать. Сказал же, что отобьем и отбили. Да и посмотреть я на них хочу. Родные же, как ни как.

Родственники рассосредоточились по машинам. Мы с дедом присоединились к Мари, маме и отчиму за рулем. Я устало вытянулся на заднем сидении, чувствуя, как силы медленно покидают меня. Мари сидела напряженная, как струна. Она вцепилась в подголовник отцовского сидения и, кажется, мысленно вела машину сама. Мама курила. Дед угрюмо молчал.

– А откуда вылезли эти заявления? – спросил я, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. – Я опять что-то пропустил?

– Пока ты ездил, Петер посоветовал написать. Йоахим его ввел в курс дела, тот посоветовал написать заявления о преследовании. Мы их отксерили там же в коридоре, – пояснила Мари.

– Зашибись, мы дело провернули! – засмеялся я. – Офицер полиции делает подлог документов, адвокат советует ограбить дом, деда чуть до инфаркта не довели, службу защиты детей обманули, вступив в коллективный сговор. Дайте-ка я угадаю, что нам всем за это будет?

– Главное, детей вернуть, – хмуро заявил дедушка.

– Дэн, можно я попрошу тебя об одном одолжении? – тихо произнесла Мари.

– Я даже знаю, о каком, – недовольно проворчал я, отки-

дывая голову назад и закрывая глаза. Хорошо, я больше ни слова не скажу Тилю про детей, хорошо. Хочешь, как лучше, а потом ты ж и виноват.

– Вряд ли. Передай Тине... Ты ведь все равно так или иначе общаешься с Тилем? Так вот, передай Тине, что если она еще хоть раз сунется ко мне, я ее убью. Причем убью по-настоящему, насмерть. Вот что будет у меня под рукой, тем и буду убивать. Если ничего под рукой не будет, я ей глотку зубами перегрызу. Никто меня не остановит.

И я ей сразу же почему-то поверил. И дед поверил – я видел. Что же, если Тина хотела войны, она ее получила! И вряд ли я буду на нейтральной стороне.

Моя семья толпилась в холле небольшого киндерхайма, похожего на самый обычный детский сад. Дед и бабушка все порывались проникнуть сквозь стеклянные двери в длинный коридор и самостоятельно отправиться на поиски своих правнуков. Тетки решали, что лучше сделать – остаться ночевать в Берлине или поехать обратно в Лейпциг. Кузен, отчим и дядя Герман перетирали что-то свое, мужское. Мы с Мари сидели на банкетке. Она нервно дергала ногой, чем кошмарно меня бесила. Иногда устало терла лицо и вздыхала. Я только сейчас заметил, что она совершенно не накрашена, одета в черную водолазку и из-за этого выглядит как человек, только что похоронивший кого-то очень близкого.

– Не надевай больше эту кофту, – попросил я.

Она глянула на меня исподлобья и отвернулась.

– Несут! – с волнением воскликнула бабушка.

Мы с Мари подорвались с места и кинулись к дверям, расталкивая родственников.

По коридору шествовали три тетки, у двоих из них на руках были наши дети, оружие на весь киндерхайм. Третья тащила папку, судя по всему с документами.

– Кто... – открыла рот третья тетка, окинув толпу родственников колючим взглядом через маленькие круглые очечки.

– Я! – возникла перед ней Мари. Она потянулась к ближайшему ребенку. Я попытался забрать дальнего. Но обе служительницы слишком резво от нас отскочили. Если бы кто-то сзади не ухватил меня за рубашку, удержав тем самым от явного нападения, я бы забрал детей силой. Я заметил, что Мари тоже придержали за руку.

– Умерьте свой пыл, – осадила нас тетка в очках.

Дети орали так пронзительно, что я еле удерживал себя на месте.

– Конечно-конечно, – залебезила перед ними мама. – Молодые, глупые. – Она кинула на меня строгий взгляд, велел притормозить.

– Извините, жена очень нервничает, – схватил я Мари за плечи и заставил сделать шаг назад. Ее трясло настолько явно, что я не придумал ничего умнее, чем загородить Мари перед теткой собственной персоной, заключив в объятия. Она дернулась, но я удержал. – Спокойно.

– Фрау Ефремова? – еще раз голосом надзирателя из гестапо произнесла тетка.

– Да, это я, – тихо ответила Мари, выглянув из-за моего плеча.

– Вам надо расписаться. – Протянула ей папку, на деле оказавшуюся книгой. – Отойдите все! – рявкнула неожиданно громко.

Родственники отступили. Мари нервно поставила закрючку в указанном месте, даже не посмотрев под чем подписалась. Тетка кивнула своим подчиненным и те, наконец-то, передали нам детей. Мари забрала одного, второго у меня практически из рук выхватила бабушка. Обменявшись быстрыми взглядами, они обе рванули с такой скоростью к выходу, как будто у них сейчас снова отнимут близнецов.

Я нагнал их только у машин на стоянке. Мари судорожно прижимала к себе ребенка и рыдала в голос. Тот рыдал вместе с ней. Рядом бабушка старалась успокоить второго малыша. Вокруг суетились мама и тетки, делая робкие попытки унять истерику молодой матери, успокоить детей и явно едва сдерживаясь, чтобы не начать голосить вместе с ними. Я стоял, смотрел на них и не понимал, что делать.

– Дэн, в машине у нас... – вытащила меня из толпы мама. – Там в машине бутылочки с водой и едой. Принеси быстро. В моей сумке.

Я со всех ног кинулся к машине, быстро выудил из маминей сумки две бутылки с водой и две бутылки с кашей. На

всякий случай захватил еще соски.

Минут через пять на стоянке стало тихо и спокойно. Моя мама сидела в теткиной машине и кормила одного ребенка, Мари сидела перед ней по-турецки на асфальте и кормила второго ребенка. Все вокруг улыбались и сюсюкались с детьми. Я присел на капот и затаился. Очень хотелось отсюда побыстрее уехать, но женщинам явно была нужна передышка. В кармане завибрировал телефон. Сюзен...

– Может быть, ты объяснишь, что вообще происходит и как это понимать? – Она говорила холодно и недовольно.

– Извини, малыш, у меня сегодня было много работы, – неуверенно соврал я.

– Не смей мне лгать! Тебя не было в офисе!

– Я на выезде был.

– Настолько на выезде, что даже домой вчера не приехал?

– Сю... Я вернусь и все расскажу.

– Тиль звонил всё утро и весь день! Ты даже проигнорировал свадьбу родного брата!

– Прости, малыш. Это было важнее какой-то дурацкой свадьбы.

– Хватит выдумывать оправдания! Мне осточертело твое вечное вранье! За кого ты меня принимаешь?

Я убрал трубку от уха, закурил новую сигарету и блаженно закрыл глаза, подставляя лицо ласкам легкого ветерка. Усталость опускалась на плечи. Перетянутые нервы потихоньку отпускали, а вместе с ними внутри что-то обмякало, вы-

свобождалось, теряло форму. Я чувствовал себя постепенно сдувающимся воздушным шариком, в котором кто-то проделал малюсенькую дырочку.

– Дэн, поехали, – позвал Клаус.

Я кивнул. Поднес трубку к уху. И испытал просто таки физическое удовольствие, услышав короткие гудки. Все же женщины невыносимые создания.

Родственники тискали успокоившихся детей. Мари улыбалась, двумя руками прижимая к себе младенца, ни на секунду не выпуская из виду второго. Зато второго тетки старательно передавали по кругу, что-то говорили ему, смеялись, улыбались, целовали маленькие ладошки и терпеливо выпутывали попавшие в цепкие пальчики локоны. Я усмехнулся – «отцу-то» детей так и не дали подержать.

В машине дед сел рядом с Мари. Малыши уснули (мы так и не разобрались, кто из них кто, но дома мама обещала исправить это досадное недоразумение). Один спал у мамы на руках на переднем сидении. Второй – у Мари, схватив деда за палец. Дедушке явно было неудобно так сидеть, но он светился от счастья, что-то шептал Мари в ухо, та краснела, хихикала и что-то стыдливо отвечала ему также в ухо. Мы ехали к нам домой. Но на полпути, дед вдруг велел поворачивать и ехать в клуб, в котором Тиль праздновал свадьбу. Я почувствовал, как Мари рядом со мной выпрямилась, словно кто-то невидимый неожиданно натянул позвонки. Лицо тут же стало жестким, желваки заходили.

– Дед, это очень плохая идея, – зашипел я на него, придерживая Мари за руку.

– Папа, ты с ума сошел? – обернулась мама.

– Я сказал, поехали, – приказал он.

– Папа! – воскликнула мама.

– Поехали, – поудобнее устроился дед и улыбнулся. – Поехали.

Мари насупилась. В ней опять ожил вчерашний демон. И вот что я должен сделать, когда она будет убивать Тину? Я ж ей помогу! Чертов старый маразматик! На хрена он stravливает их? У Мари и так нервы в хлам убиты. Я достал телефон и посмотрел пропущенные вызовы. Тиль звонил раз двадцать, но мне было не до него, я не отвечал на звонки, а иногда просто их скидывал. Смс... Ничего нового и интересного, если не считать того, что к обеду я стал свиньей и мразью. Почему-то предупреждать брата о нависшей опасности в виде визита родного деда мне совершенно не хотелось. Раз уж стал свиньей и мразью, так придется поддерживать плохую репутацию.

– Сиди тут и не выходи из машины, – велел дед Мари, когда мы припарковались у клуба. – Гордон, заблокируй двери.

Я выматерился и вышел за ним. Буду телохранителем. Мало ли что старику придет в голову.

Дед вошел в клуб, чеканя шаг. Немного подрастерялся от громкой музыки, я пошел вперед, показывая ему дорогу в зал. Кошмарное ощущение беспомощности, гнева и страст-

ного желания набить морду мерзкой женщине. Впрочем нет, не ей... Тиллю. Прилюдная пощечина...

Я увидел его сразу же, едва мы с дедом вошли в помещение. Тиль скользил пустым взглядом по толпе гостей. На его лице не было ни радости, ни счастья. Он как будто спрашивал себя, что он тут делает и как оказался, зачем все это. Внутри была пустота, холод и одиночество. Словно почувствовав мой взгляд, он вздрогнул и обернулся к двери. Он ждал. Я четко увидел это. Он ждал нас до последнего. Широко улыбнулся, сделал шаг вперед и замер, встретившись взглядом с дедом. Улыбка застыла, исказилась, постепенно сползая с лица. Дед шел ему навстречу. Перед ним расступались, замолкали. Постепенно стихла и музыка. В зале повисла гнетущая тишина, лишь слышался звук шагов деда да Тиль перепугано пялился на него, как застигнутый на месте преступления школьник.

– Тилли, в чем дело? – подлетела к нему божественно красивая Тина.

Ее высокий капризный голос вывел Тиля из оцепенения. Он постарался улыбнуться и пробормотал:

– Дед, я так рад...

– Рад? – удивленно произнес дедушка. Голос был тихим, спокойным, но раскатывающим, уничтожающим, разрывающим.

Тиль нервно сглотнул.

– Я никогда не думал, что ты забудешь, по какой причине

двадцать пять лет назад вы оказались в дыре под названием Лойтше.

Брат явно не очень понимал, в чем смысл этой речи.

– Ты разочаровал меня, Шенк. Мне стыдно, что ты носишь мою фамилию. – Тиль опустил голову. Дед посмотрел на Тину: – Чтоб ноги твоей не было в моем доме.

– Дед... – растерянно произнес Тиль.

– Ах, да, у тебя же свадьба, – вдруг «вспомнил» он. – Это тебе подарок. – Он вынул из нагрудного кармана два аккуратно сложенных листа и вложил их в руки опешившего близнеца. – Поздравляю.

Развернулся и пошел прочь. Тиль закрыл глаза рукой. Мне почему-то стало невыносимо жалко его. Тина схватила брата за плечи, что-то зашебетала. Я не стал слушать, пошел за дедом. Мы с ним лишние на этом празднике, больше похожем на похороны.

– Слышь, дед, я тобой горжусь, – улыбнулся я, когда мы вышли на улицу. – Я до последнего надеялся, что ты им свадебный торт на пол опрокинешь...

– Угу. На самом деле мне очень хотелось снять с него штаны и отупить по голой заднице.

Я захохотал:

– А вдруг ему бы понравилось?

– Иди ты... – пихнул меня в плечо дедуля.

Вечер дома прошел до такой степени чудесно, как не проходил уже лет триста. Бабушка и дедушка забавлялись с пра-

внуками. Нам даже удалось понять, кто из них Алекс, а кто Мухи. Дети, видимо, после пережитого кошмара, вели себя тихо и смотрели на свалившуюся на голову родню с опаской, но попыток поорать не делали, более того, иногда они даже смеялись и что-то там гулили на своем детском языке. Мама, Анна и обе тетки стряпали на кухне. Мужчины, кроме меня и деда, ковырялись внизу в машинах. Мари забралась с ногами в кресло и наблюдала, как старики играют с детьми. Я принес плед и чай. Укрыл ее, протянул чашку. Сел на подлокотник, приобняв одной рукой.

– Спасибо, – посмотрела она на меня грустно.

Я хотел поделиться с ней своими мыслями насчет Тиля, но почему-то не стал. К чему ей давать надежду или беречь и без того свежую рану? Интересно, а она ждала его сегодня? Надеялась ли? Фантазировала, как он придет весь из себя такой красивый и всё разрулит? Я чувствовал себя неловко, словно лезу, куда меня совершенно не просят лезть. Мари положила голову мне на плечо.

– Представляешь, у близнецов есть настоящие бабушка и дедушка, – сказала тихо.

– У них есть еще куча родственников, – шепнул я ей, легко касаясь губами макушки. – И мы не дадим вас в обиду.

Она кивнула и едва слышно произнесла:

– Папы только нету.

– Что значит, нет папы? – ласково протянул я, гордо выпятив грудь. – Ты обижаешь своего мужа и отца своих детей.

Она уткнулась носом мне под мышку.

– Все будет хорошо, Мари, – погладил я ее по плечу. – Не плачь. – Значит, все-таки ждала...

Мама стояла в дверях и наблюдала за нами. Улыбалась нежно. Взглядом позвала к себе. Я осторожно высвободился и пошел за матерью.

– Купи хлеба и хорошего вина. Мы хотим отпраздновать возвращение детей в семью, – попросила она, протягивая мне пакет и деньги.

Я вздохнул и начал обуваться. Мама как-то странно разглядывала меня, словно видела впервые.

– Дэн? – протянула она загадочно.

– Ну? – Я застегнул толстовку, накинул капюшон на голову.

– А когда ты у нас женишься?

Я нервно хохотнул:

– Еще не родилась та женщина, которая способна затащить меня под венец. – Что я больной, жениться на Сьюзен? Она меня за два дня своими истериками так достала, что я домой ехать не хочу!

– Нда? – хитро приподняла она уголки губ.

– Ага.

– Ну-ну.

– Хлеб и вино? – уточнил я.

– Хлеб и вино.

– А близнецам ничего не надо?

– Мы завтра им все купим. На сегодня всё есть.

– И Мари шоколадку надо. А то она совсем раскисла, – сам себе напомнил я.

Мама кивнула и снова загадочно улыбнулась:

– Ты бы поторопился.

– В смысле?

– А то уведут.

– Кого?

– Твою нерожденную женщину.

– Куда?

– Под венец.

– Да ну и черт с ней, – рассмеялся я. – Знаешь, как она меня сегодня достала? Я даже телефон отключил, чтобы она мне не названивала. Мам, а можно я у тебя сегодня переночую, а то Сьюзен не в духе?

Мама закатила глаза и состроила лицо из серии «мой сын – дебил».

– Хлеб и вино, – выставила она меня за дверь.

– И шоколадку для Мари, – сказал я уже обивке. Улыбнулся и добавил: – С орешками. Как она любит.

Глава 4

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Дэне Шенке —умственно-отсталом дегенерате. Которого надо сдать в лабораторию. Для опытов. Я не видел Марию последние две недели. Я лишь звонил ей каждый день и спрашивал, как она, как дети, как... мама... Я дебил, дебил, дебил! Триста раз дебил! А что я могу сделать? Я сам месяц назад притащил ее к матери, сам перевез ее вещи, сам собрал две детских кроватки... Я не подумал только об одном — как объяснить маме свои вечерние хождения к ней в гости, купание детей, прогулки вдвоем, болтовню с Мари за ужином на маленькой кухоньке, к которой я так привык и с которой я не хочу расставаться. В итоге все остались в плюсе, кроме меня!

Мама, видимо, поставила себе цель откормить невестку. Через месяц Мари хоть и не перестала быть отчаянно тощей, но уже была отдаленно похожа на человека, а не на мумию из гробницы. Она повеселела, начала называть мою мать мамой (хотя все тринадцать лет называла ее не иначе, как Шарлотта), и, кажется, они нашли общий язык. Такие прям подружки... Куда деваться...

Что касается моего любимого младшего брата, то на следующий день после свадьбы Тиль опять проснулся знаменитым. Весь мир смаковал подробности выходки деда, не забы-

вая написать гадости про нашу семью, которая проигнорировала мероприятие в полном составе. По этому поводу, брат со мной разругался в хлам и до сих пор не общается. Причем я по наивности своей думал, что, когда Тиль узнает, как его новоиспеченная жена обошлась с его родными детьми, он все бросит и примчится к матери, на худой конец встанет на защиту любимой женщины. Он и встал. На защиту. Любимой, черт побери, женщины... Закатил мне истерику по поводу испорченный свадьбы, загаженного брачного ложа и интервью в газетах и журналах (которые я не давал!), а когда выяснилось, что ноутбук Тины в полиции, и ей самой теперь угрожает тюремный срок, гневу близнеца не было предела. А дома меня ждала Сюзен, которая тоже устроила грандиозный скандал по поводу моего трехдневного отсутствия, игнорирования свадьбы брата («я потратила целое состояние, чтобы выглядеть прилично!!!») и отказ от поездки на Багамы («какого черта я накупила столько пляжных платьев?!!»). И окончательно Сью меня добила тем, что запретила брать детей на выходные, позвонила матери, высказалась, потом дозвонилась до Мари и наговорила гадостей ей. Меня это так взбесило... Мы поругались, Сью ушла и мой дом опустел. Я чувствую себя ненужным и всеми забытым. Я один. Совершенно один.

Я лежал на диване, пил пиво и лениво переключал каналы. По телевизору ничего интересного не показывали. Мне было скучно. Надо придумать предлог, чтобы ездить к мате-

ри. Вообще я бывал у нее редко, только если проезжал мимо ее дома или специально заезжал по делу. Мы давно жили отдельно, и нам вполне хватало нечастых звонков друг другу. За месяц, точнее за первые его две недели, я зашел к ним раз пять. Мама как-то удивилась, что я зачастил, поэтому... Какой же я идиот, что отвез Мари к матери! Тогда она нуждалась во мне. Я был нужен детям. Она так выматывалась к вечеру, что с благодарностью и радостью принимала мою помощь, а сейчас... Мари сама мне не звонит. Я могу не звонить ей день, два и даже три, но сама она не позвонит. Я не видел ее уже две недели, а она этого, наверное, и не заметила. Я не нужен ей. Совсем не нужен.

– Дэн, привет, – голос Сю в трубке дрожит и срывается.

– Привет, – равнодушно отвечаю я, вытягиваясь на диване и делая глоток пива.

– Что делаешь?

– Лежу.

– Дома?

– А где еще я могу лежать?

– У русской, – с обидой.

Закрываю глаза. Хочется скинуть вызов. Но я немного пьян, а потому благодушен.

– Дэнтомтом! – тут же на одном дыхании тараторит она. – Извини... Я не то имела ввиду.

Не отвечаю. Леню.

– Ты не позвонил мне за месяц ни разу. Неужели я так

мало значу для тебя?

Молчу. Весь этот месяц мне не хватало секса и Мари. Я даже не знаю, по чему скучал больше.

Сью грустно вздыхает в трубку.

– Можно я приеду?

– Зачем?

– Там остались мои вещи...

Пожимаю плечами и киваю. Если остались вещи... Думай, Дэн, как сделать так, чтобы твои частые визиты к матери не выглядели подозрительно? С другой стороны – зачем мне Мари? Она мне даже не звонит...

Я не очень помнил, как вечером пришла Сьюзен. Не помнил, как оказался с ней в постели. И совсем ничего не понял, когда проснулся, собственнически водрузив руку на ее грудь. Сью лениво потянулась, сонно зажмурилась и наугад чмокнула меня в нос.

– Сделать тебе кофе, милый? – промурлыкала.

Я вытер влажный след от ее поцелуя и кивнул. Мы что ли помирились?

– Ты, правда, так скучал по мне? – спросила она через плечо, облачая тонкую фигурку в легкий халатик.

Я закрыл глаза, откинул голову на подушку и выдохнул.

– Да, – соврал хрипло. Не хочу быть одиноким.

Сью суежилась вокруг меня на террасе. Я вытянулся в кресле на солнышке и курил.

Лениво шевелиться.

Лениво думать.

Говорить.

Смотреть.

– Дэн, я хочу извиниться за то, что наговорила тебе в тот раз. Ты, конечно же, прав. Мари – член твоей семьи, бывшая подруга твоего брата, мать его детей, и если ты решил не бросать ее в беде, то это очень благородно с твоей стороны. Я, к сожалению, для тебя никто и считаться с моим мнением не обязательно.

Я посмотрел в голубое небо с белыми барашками облаков и медленно выдохнул. Так, секса я пока не захочу, а вот...

– Не надо делать такое лицо, Дэн. Я все понимаю. Если ты считаешь, что Мари и ее дети нуждаются в опеке, кто я такая, чтобы мешать тебе заниматься благотворительностью? Просто может быть нам втроем обсудить, как лучше поступить в такой ситуации? Скажем, ты мог бы брать детей только на субботу или воскресенье? Когда они станут постарше, мы могли бы ездить с ними... в зоопарк, например, или в парк аттракционов.

Дым от сигареты окутывал меня. Я с наслаждением втягивал его и очень медленно выдыхал. Не знаю, что со мной. Сю прекрасная, нежная, понимающая. Мне даже иногда казалось, что я люблю ее. Это всё не то. Всё неправильно. Не понимаю, что происходит.

– Сю, давай заведем детей? – тихо попросил я, сам офигев от собственной идиотской просьбы.

Он поперхнулась и удивленно посмотрела на меня:

– Давай...

Бля...

– Только не сейчас.

Фуф... Черт... Ну и шуточки!

– Мне всего двадцать шесть. Я пока не готова быть матерью. Мне надо закончить Университет и сделать карьеру. У меня много идей и мыслей. Дэн, я не готова сейчас запереться в четырех стенах и нянчить детей.

Я улыбнулся:

– Да, ты права. Позже...

Она села мне на колени и обняла.

– Так приятно, что ты понимаешь меня. А хочешь, мы вместе поедem к Мари и навесим деток? К тому же мы давно не были у твоей мамы. Хочешь, поедem к ним в гости?

Снял ее с колен и встал.

– Не хочу.

– Дэн... – схватила она меня за руку.

Я мягко высвободился.

– Прости, Сью, я неважно себя чувствую. Слишком много выпил вчера.

– У тебя какие-то проблемы? – участливо спросила она. – На студии? Или это из-за Тиля?

Покачал головой и улыбнулся, как можно нежнее:

– Просто перебрал. – Склонился к ней и поцеловал. Как я мог вчера настолько перебрать?

Дома было решительно нечего делать. Я слонялся из угла в угол, как неприкаянный. Сю сновала вокруг, желая угодить. Я вспомнил, как мы однажды ржали с Клаусом над идеей Хагена жениться. Клаус тогда прокомментировал задумчивую мыслеформу друга, что жениться, безусловно, можно, но что потом делать с бабой, когда она туда-сюда целый день перед носом маячит и адски раздражает своими мотаниями? Впрочем, именно Клаус в итоге у нас и женился первым. Его избранница была какой-то стукнутой на всю голову, зато в постели, по уверениям счастливого на тот момент друга, творила чудеса. Через два года Клаус сбежал от нее, и мы до сих пор не рискуем даже напоминать ему о существовании этой особы. Видимо поэтому, наблюдая, как наш всегда спокойный как удав ударник с суеверным ужасом в глазах вздрагивает от одного ее имени, Хаген так и не собрался узаконить свои отношения с подругой... Что все равно не помешало ему стать папой раньше нас всех! Интересно, парни сейчас в стране? Пива что ли с ними выпить? Сто лет не видел ни одного, ни другого.

Клауса не было. Он колесил по Америке и должен был вернуться буквально на днях. А Хаген обрадовался и с удовольствием поддержал идею погулять.

– Куда ты? – заглянула в глаза Сюэзен, когда я начал обустраиваться.

– С парнями хочу посидеть. Обсудить надо кое-что. У меня есть несколько идей для их нового альбома.

– Ты надолго?

– Не знаю, – честно признался я. – Буду поздно и скорее всего пьяный.

– Я не лягу без тебя, – обвила мою шею руками.

– Не стоит меня ждать, – чмокнул ее в щеку.

Путь к дому Хагена я зачем-то проложил через район, где жила мама. Это было совсем не по пути, но незагруженная дорога манила сделать крюк, а сердце гулко стучало и тоскливо тянуло. Глаза то и дело отвлекались на тротуары, выискивая тонкую фигурку с большой коляской. В это время Мари обычно гуляла с близнецами. Только не тут. По Унтер ден Линден, в тени лип. Стоит ли говорить, что совершенно незаметно для меня машина сама прикатила на улицу Лип, мне осталось лишь скромно подчиниться воле всевышнего. Снизив скорость до минимума, авто медленно поплыло вдоль бордюра, словно издеваясь надо мной. Мари всегда садилась на одной и той же скамейке, под одним и тем же деревом, почти посередине длинного зеленого коридора. Иногда, в особо хорошие дни, она почти на целый день уходила в Тиргартен. Бродила по аллеям парка или валялась с детьми на многочисленных лужайках. Глупо надеяться, что в столь чудесный день, она будет торчать на лавочке в одном из самых оживленных мест Берлина.

– Мари! – воскликнул я, узнав не столько ее, сколько коляску с мальчишками. На лице сама собой расплылась довольная улыбка. – Мари... – Я покрутил головой, прикиды-

вая, где бы тут бросить машину.

С трудом через четверть часа найдя место для парковки, я чуть ли не бегом кинулся по бульвару, боясь, что Мари могла уйти домой. Нет, она все так же сидела на лавочке и читала книгу. Выровняв дыхание и сделав вид, что просто прогуливаюсь, я неторопливо направился к ней.

– Разрешите с вами познакомиться? – плюхнулся рядом, кладя руку на спинку лавочки за ее спиной.

Мари вздрогнула и повернулась ко мне явно с желанием послать. Однако ее губы тут же растянулись в счастливой улыбке.

– Дэн, – протянула она ласково и в знак приветствия потерлась щекой о мое плечо.

Я притянул ее к себе за шею и чмокнул в висок.

– Как ты здесь оказался?

– Эээээ, – протянул я, закатывая глаза. – Если я совру, что просто проезжал мимо... прогуливался... случайно решил сократить путь до дома... Ты мне поверишь?

Она отзеркалила меня – точно так же улыбнулась и игриво закатила глаза:

– Конечно. Ты же знаешь, я всегда тебе верю.

– Ну, тогда вот. Как вы? – Я заглянул в коляску, где спали дети.

– Если я тебе скажу, что мы по тебе скучаем, нам тебя не хватает, а без твоих сказок мы не можем заснуть, ты мне поверишь?

– Конечно, нет. Потому что ты всегда мне льстишь.

– Тогда вот.

– Но мне нравится, когда ты так врешь. Можешь продолжать.

Она засмеялась. Я смотрел на нее, видел искорки в глазах и не мог в это поверить. Мари действительно оживала. Сейчас она была искренней, счастливой, и, кажется, она мне обрадовалась по-настоящему.

Мы болтали с ней, как в прежние времена, меряя шагами аллеи. Я рассказывал Мари о своих делах и планах, пожаловался на вероломное вторжение Сьюзен в мою жизнь вчера вечером. Посоветовался насчет изданий, в которых можно было бы попиарить моих ребят из группы.

– А ты можешь помониторить русские сми? Я думаю, может заняться еще русским рынком? Просто ты язык знаешь, лучше разбираешься в ситуации. Сможешь собрать сведения и сделать маркетинговое исследование?

– Конечно, смогу, – радостно согласилась она. – Свяжусь со знакомыми, сделаю запросы. Только это не завтра, естественно, будет.

– Я не тороплю тебя. Как сделаешь, так сделаешь. А я бы за работу тебе заплатил.

– Спятил? – недовольно вытаращила она глаза.

– Почему? Тебе же нужны деньги. Работа должна быть оплачена.

– Дэн, перестань. Учитывая, сколько ты делаешь для нас,

я на тебя до конца своих дней бесплатно работать должна.

– Кстати, насчет работы...

– Нет пока никакой работы. Лето – мертвый сезон. Я иностранка, да еще с двумя детьми. Мне ужасно неудобно обременять твоих родителей.

– Думаю, маме только в радость.

Она покачала головой и тихо буркнула:

– Если до конца сентября так и не найду работу, то уеду к родителям в Канаду. Не могу быть приживалкой, совесть не позволяет. К тому же я все равно безумно боюсь Югендамт. Мне иногда кажется, что они следят за мной и ждут момента, чтобы я оступилась.

– Есть хорошая квартира в пригороде Берлина. На тот район полномочия местного Югендамта не распространяются. Но, Мари, тут тебя защитят мои родители, а там ты опять будешь одна...

– Хм, – усмехнулась она. – Что сделают твои родители, когда к нам в дверь будет ломиться вооруженный отряд полиции?

– Ничего... – вздохнул я, понимая, что она абсолютно права. – Но перебиваться случайными заработками – не дело. Может, ко мне на студию пойдешь? Давай...

– А Тиль? Нет, Дэн, прости, не могу. Я сейчас в таком состоянии, что вцеплюсь ему в рожу без лишних вопросов. Мы тут с мамой в прошлые выходные ездили в супермаркет за продуктами, и я там парня увидела. Со спины – вылитый

Тиль. Знаешь, какая у меня была первая мысль? – Я отрицательно мотнул головой. – Что ж я ногти-то подстригла? Хотелось прям налететь и разбить морду. Я не могу... Так меня переклинило... Мама смотрит, а меня трясет, я с места не могу сдвинуться.

Я обнял ее и погладил по спине:

– Все будет хорошо, Мари. Это все пройдет. Ты просто на него слишком сильно обижена. – Взял ее лицо в ладони и осторожно вытер слезинки. – Не трать на него силы. Сколько ты с ним носилась? Сколько угождала нашей звезде? Сколько под него подстраивалась? Сколько его прощала? И сейчас прости. От всей души прости и пусть убирается.

– Я не могу пока. Слишком больно. – Слезы заскользили по щекам.

– Ну вот, – улыбнулся, тиская ее, как ребенка. – Я испортил тебе настроение.

– Невозможно испортить то, чего нет. Пойдем, скоро дети проснутся, а у меня с собой нет еды, – она поднялась.

Я посмотрел на небо и улыбнулся, раскинув руки в стороны:

– Посмотри, какой красивый мир. Посмотри, как он радуется тебе и улыбается. Ты счастливый человек, Мари. У тебя есть дети, семья, друзья, которые тебя любят. У тебя есть крыша над головой, и мама заставляет тебя есть. А вот голодающие дети Африки... А ну-ка немедленно изобрази на лице счастье! Помнишь, как ты мне заявила, что «для того,

чтобы любить большие, надо иметь большой»?

Мари моментально вспыхнула красным, губы сжались, сдерживая улыбку.

– И еще так при всех сантиметром потрясла! Я готов был сквозь землю провалиться!

– Ты мне это будешь всю жизнь вспоминать? – Она протянула мне руку.

– Я просто хочу, чтобы ты улыбалась. – Я ухватился за нее и тоже встал. Мари задумчиво посмотрела куда-то в сторону и передернула плечами:

– Я такой дурой была.

– Ты была самой клёвой девчонкой на свете. Ты была самой лучшей из всех, кого я знал до тебя! – Накрыл ее ладонь второй рукой.

– Была? – обидчиво выпятила губку.

– Есть, – улыбнулся я.

Мари кокетливо хлопнула ресничками и зашагала вперед. Так-то лучше. Я осмотрелся. Купил ей мороженое у ближайшей лоточницы. Мари удивленно приняла его. Я забрал у нее коляску, чтобы ей было удобно есть. Мари расцвела, как ребенок, на которого мама наконец-то обратила внимание.

– С работой не обещаю, но подумаю, что можно сделать.

Она медленно облизала шарик. Пробежалась кончиком языка по испачканным губам и довольно улыбнулась.

– В конце концов, – смотрел я на ее пухлые блестящие губы, – от Тиля на студии толку мало, а мне нужен умный

человек в команде...

Мари, словно дразня меня, прошлась языком по кромке вафельки и мороженого. Я с ужасом почувствовал, как кровь стремительно прилила к низу живота.

– Нужен кто-то, на кого бы я смог оставить офис, пока мотаюсь на гастроли с группой... – каким-то блеющим голосом закончил я мысль.

Она втянула в себя шарик и выпустила его обратно в рожок. Губы были перемазаны в белом. Джинсы отчаянно жали. (*«Если вы действительно муж фрау Ефремовой, то должны знать, в какой позе она предпочитает заниматься сексом»*, – пристальный взгляд в глаза. Разваливаюсь на стуле и с насмешкой смотрю на бератора: – *«Мари любит доминировать, поэтому иногда я позволяю ей быть сверху»*. – *Облизываю ее масляным взглядом, тереблю языком пирсинг в губе, ты тоже на это поведешься, сука, все ведутся, все кончают, и ты кончишь. Я знаю, как она любит. Тиль как-то говорил.*) Я тряхнул головой. Мари смотрела мне прямо в глаза.

– Скажи, Дэн, а зачем ты всё это делаешь для меня?

Я опешил. Растерялся. Почему я ей помогаю? Потому что... Потому... Почему?..

– Нуууу... – промычал я.

Она пытливо смотрела на меня. А я пялился на ее губы и язык, который все так же скользил по границе вафельки и мороженого.

– Потому что... – мялся я. Что ей сказать? Что?!

Мари приподняла бровь. Уголки губ поползли вверх. Зубы вцепились в вафлю, откусывая кусочек. Язык подхватил белую каплю. Бля, мне тридцать лет, а я сейчас кончу от того, как она ест мороженое!

– Потомууууу...

Она накрыла мою руку своей, и я шарахнулся от нее в сторону, как от чумной, неожиданно заметив, что нервно держу связкой ключей. Встал за коляску так, чтобы она не заметила моего конфуза.

– Потому что ты мать моих племянников. Ну, не в том смысле, понимаешь... То есть, я имею в виду... – Я покраснел, мучительно выдумывая отговорку. Очень хотелось поправить джинсы. – Ты мне как сестра, я имею в виду... Член моей семьи... Ты мне как друг, да. Как очень старый, проверенный друг.

– Ммм... – ухмыльнулась, держа мороженое около рта.

Я чувствовал себя полным придурком. Хотелось побиться башкой о ближайшую липу. Зачем я соврал ей? Почему... Черт! Черт!! Чееееерт... Идиот! Какой же я идиот... Тиль был прав! Тысячу раз прав! У меня рядом с ней мозг разжигается. Ненавижу себя! Тряпка!

Мари шла чуть впереди, и я уже не видел, как она доела злополучное мороженое. Она смеялась и улыбалась. Но мне показалось, что между нами что-то пропало. Это все из-за меня. Она поняла мою реакцию на нее. Скорее всего, увиде-

ла... Несносная стерва, опять провела меня, как сопливого мальчишку!

– Что-то ты к нам зачастил, – удивленно покосилась на меня мама, забирая из рук одного из близнецов.

– Я тоже рад тебя видеть, – чмокнул я ее в щеку.

Мы прошли в гостиную. Мари ловко передела одного мальчика. Второго утащила в ванную. Я взял на руки оставшегося без присмотра младенца:

– Привет, брат! Надеюсь, хоть ты рад меня видеть?

– Не прибедряйся, – улыбнулась мама. – Ужинать с нами будешь?

– Нет, я вообще к Хагену ехал, но...

– Не доехал. Я так и поняла. Странную ты дорогу к Гео выбрал. Он вроде бы в другой стороне живет.

– Эээ...

– А, ну, конечно, вы с ним договорились встретиться у метро в центре, – хихикнула она.

– Я больше к тебе вообще не приеду, – обиделся я.

– Зря. Дети быстро отвыкают от тех, кто долго к ним не приезжает.

– Слушай, а посидишь сегодня с детьми? Я бы Мари в люди вытащил. Мы с Хагеном хотели в клуб сходить. Думаю, он не обидится, если я прихвачу ее с собой. Ей это на пользу пойдет.

Мама задумалась на пару секунд, потом кивнула:

– Валите.

– Спасибо! – подскочил я к ней.

Мари новость о том, что она идет в кабак, восприняла с некоторым удивлением, но ломаться не стала. Через полчаса передо мной возникла моя прежняя маленькая прекрасная Мари – в короткой джинсовой юбке, легком топе, на высоких каблуках и с распущенными волосами. Мама удовлетворенно кивнула, оглядев девушку с ног до головы. Я даже как-то возгордился, что пойду в клуб с такой красоткой. Все-таки русские удивительно красивы, нечета моим соотечественницам. Сьюзен хоть и похожа на Мари, но даже рядом с ней не стояла.

– Ёу, детка, позволь проводить тебя до машины, – произнес я нараспев, предлагая ей руку.

– За тобой хоть на край света, – кокетливо глянула она на меня.

– Без глупостей там, – строго погрозила нам вслед мама.

Мы кивнули, захихикали и наперегонки бросились вниз по лестнице. Я, конечно, ей уступил.

Хаген похудел, но в целом выглядел очень хорошо. Я бы даже сказал, что он не похудел, а немного «сдулся» после тура.

– Не смотри так, – заметил мой оценивающий взгляд друг, садясь в машину. – Не могу же я таскать с собой тренажеры.

– Ссышь, что я выгляжу круче тебя? – снисходительно посмотрел я на него, трогаясь с места.

– Да чего мне срать? Ты разве что ростом удался, а фигура

всегда была так себе.

– Иди ты!

– Мальчики, вы оба шикарно выглядите, – развела нас в стороны Мари.

– Мари, – радостно воскликнул Хаген, наконец-то заметив мою попутчицу. Сгреб ее в охапку, завалив на сидении. Она засмеялась, задрывала ножками. – Сто лет тебя не видел! Мари! Отлично выглядишь! Нет, ты шикарная! Дай посмотрю на тебя еще немного, девочка! – Я заметил, как он отклонился назад и беззастенчиво принялся пожирать глазами мою Мари, которая кокетливо поворачивалась к нему то одним боком, то другим. – Как ты? Как дети? Крис сказала, что у тебя мальчики? Как назвала?

– Александр и Михаил.

– Красивые имена.

– Спасибо, дорогой.

– Имей ввиду, ты обещала, что мы с Клаусом будем крестными.

– Я помню. Ждем Санту-Клауса. Он приедет через десять дней. Мы вчера с ним по скайпу полтора часа болтали.

Меня аж передернуло от ревности – значит, с Клаусом она полтора часа трепалась, а на меня у нее и полторы минуты не нашлось?!

– Как он?

– Как обычно. Жалуется на желудок. Говорит, что ненавидит гамбургеры и их отстойный кофе. Домой хочет.

– Подождите! – перебил я их трескотню. – То есть, вы уже решили, кто будет крестными у детей? А я?

– А ты, Дэн, папа, – заливисто захохотала Мари.

– Не понял? – вопросительно уставился на меня Хаген. – А Тиль?

Я красноречиво посмотрел на друга в зеркало заднего вида, показывая взглядом, что эта тема крайне нежелательна.

– Тиль нас бросил, – спокойно сообщила Мария. – Он женился на другой. Спасибо Дэну, что не дал нам с детьми загнаться.

– Я слышал, что Тиль женился... Крис говорила, – осторожно произнес он, словно ощупывая ногами почву в топях. – Она не вдавалась в подробности, но я решил, что это вы с Тилем... Там еще какой-то скандал был на свадьбе...

Я мельком глянул на него в зеркало. Врет. Всё он знает. Только, скорее всего, без подробностей.

– Забей, – прищурился я.

– Секретаршу знаешь? Ну которая у Дэна на студии работала? – не замечала моих красноречивых взглядов Мари.

– Ну? Дура такая тупая? – Кажется, Хаген их тоже не особо замечал. Или не понимал. Дундук.

– Не оскорбляй ее, может она хорошая, – хихикнула Мария.

– Да чего в ней может быть хорошего? Там же на все лицо диагноз.

– Вот это жена Тиля.

– Что?! – поперхнулся Хаген.

– Ага, – наслаждалась Мари своей маленькой мстостью. – Она написала на меня заявление в Югендамт и детей забрали.

Хаген выматерился.

– В день свадьбы Тиля мы всей семьей... – Она даже не подозревала, каким бальзамом на душу пролились мне эти слова – всей семьей. Значит, мама добилась своего, Мари считает мою семью своей! – ...пытались забрать детей из приюта. Дэну пришлось назваться отцом моих детей и стать моим мужем.

– Так что я теперь женат и с детьми, да, – рассмеялся я.

– Потрясающе! Сколько новостей! Я как будто из космоса вернулся! А что дети? Я бы с ума сошел, если бы мою Бьянку забрали в приют.

– Береги, друг, свою принцессу, – многозначительно кивнул я. – Мы дошли до правительства, чтобы выцарапать близнецов обратно. Если что, у меня все ходы записаны. Обращайся!

– Дурак, – фыркнул Хаген. – А Тиль? – нахмурился.

– А у Тиля в тот день была свадьба, – не без желчи произнесла Мари.

– Кажется, я теперь понимаю... – протянул Хаген. – Как быстро вернули детей?

– На следующий день. Мы теперь у родителей Дэна живем. И наш дом – маленькая крепость.

– Если вашу крепость возьмут в осаду, звони мне. Мы подъедем с подкреплением.

– Спасибо, друг, – обменялись они рукопожатиями.

Всё было как раньше. Мы с парнями (Хагеном в данном случае) методично надирались, обсуждая наши мужские дела, Мария резвилась на танцполе, пользуясь вниманием местных подвыпивших мужчин. Она наслаждалась мужским обществом по полной, кокетничала, строила глазки, и я даже начал переживать, как бы она не сбежала с одним из воздыхателей в ночь. Я подробнее рассказал Хагену о свадьбе брата, Югендамте и навалившихся проблемах в семье. Тот таращил глаза, качал головой и заверял, что Мари может рассчитывать на него. Это хорошо, потому что теперь мне будет на кого ее оставить, когда начнется новый тур. Мы договорились провернуть одно дельце. И если оно выгорит, то все будет шоколадно. Кажется, жизнь потихоньку начинала налаживаться. По крайней мере, рядом был друг, на которого я всегда мог положиться.

Стрелки часов накручивали круги по циферблату. Мы перешли с пива и коктейлей на шампанское и вино, а потом вообще на водку и самбуку. Вечер становился все интересней и интересней. Мари от того, что долго не пила, как-то сразу порозовела и повеселела. Хаген тоже вскоре перестал фокусироваться. Я смотрел, как они с Мари устраивали грязные танцы на танцполе, смеялись, обнимались, висли друг на друге, и ловил себя на мысли, что меня это бесит. Он не

имеет права так танцевать с ней. Не имеет права, так прижиться к ней. Он не имеет права вообще танцевать с ней! Я допил водку и пошел отгонять друга от моей Мари. Она моя. Я никому не позволю дотрагиваться до нее!

Утро встретило меня адской сухостью в организме, кошмарным привкусом во рту и ужасной головной болью. Рядом, оплеля мое никчемное тело конечностями, тихо посапывала Сьюзен. Пить хотелось так сильно, что даже женское тело было не способно удержать меня в постели. Я погладил лохматую голову у себя на плече и попытался вылезти из-под девушки. Сью сонно завозилась, отлипла от меня и вытянулась всем телом, распахивая глаза. Мы оба сдавленно охнули и отпрянули друг от друга. Мари от неожиданности свалилась с постели. Я едва сам не навернулся. С ее стороны кровати послышалось приглушенное хи-хи. Я потер ладонями лицо и тоже заржал. Перекатился на ее сторону и свесился с кровати, наблюдая, как она смеется на полу.

– Сто лет так не просыпался.

На Мари не было юбки. Лишь задравшийся до неприличия перекрученный топик. Я заметил, что она без лифчика – соски торчали под тонким трикотажем. Впалый животик подрагивает. Узенькая полосочка кружевных стрингов...

– Прекрати на меня пялиться! – приказала она строго.

– Можно подумать, я тебя такой не видел, – загоготал я. – И вообще, ты моя жена. Забыла? Мне можно.

Она глянула на меня недобро. Я на всякий случай отодви-

нулся на безопасное расстояние. Мари не без труда соскреблась с пола и переместилась на освободившееся место, прикрывшись одеялом.

– Меня твоя мать убьет, – закрыла она глаза.

– Что вчера было? – рассматривал я ее опухшую с перепоя физиономию, сухие губы, ровный нос, тонкую линию бровей и черные разводы от смазавшейся косметики. Гы-гы-гы, если бы только она сейчас видела себя в зеркало.

– Не помню. Помню, как ты чего-то к Хагену задирать-ся начал... А потом орал, что танцуешь лучше всех. Блин, Дэн, ты больше это... не пей столько. И не смотри на меня! – сгребла она волосы на лицо. – Я уродина.

– Ты дурочка, – ласково произнес я, положив голову на подушку. – Я с кем-то подрался в кабаке? – Костяшки рук были сбиты.

– Не помню, – фыркнула она. – Где мы? Надо домой ехать. Черт, как неудобно получилось. Еще ты со своим: «Еще чуть-чуть посидим, самбука, черт, Мари станцуем»! У, алкоголик! – зарядила мне локтем в бок.

Я усмехнулся. Еще раз осмотрел комнату.

– Похоже на гостевую спальню у Хагена. Ничего не помню. Как мы здесь оказались?

– И почему в одной постели?

Мари резко поднялась, сдернув с меня одеяло. Оценивающе глянула на меня, как будто пытаюсь понять, было между нами что-нибудь или нет. Самое обидное, что я тоже этого

не помнил, но мы оба были относительно одеты (по крайней мере я был в джинсах, хоть и растегнутых), а значит вряд ли между нами что-то произошло. Мари собрала свои вещи по комнате. Надела юбку, скромно припрятала лифчик под топик.

– Нельзя столько пить. Меня мать твоя убьет, – опять вздохнула жалобно и выскользнула из комнаты.

Я еще повалялся минут десять и отправился искать воду и туалет.

– Дэн, – улыбнулась мне Кристина, когда я вплыл в столовую. – Отлично выглядишь.

Я одарил ее кислой улыбкой.

– А где наш хоббит?

– Спит.

– А Мари?

– Подозреваю, что пытается реанимировать лицо, – рассмеялась она. – Последний раз я видела ее в гостиной с мокрым полотенцем на лице.

– Мы вчера себя очень плохо вели?

– Нет. Вы приехали на такси. Мари по дороге уснула, поэтому ты просто отнес ее в дом. Заметь, я не спрашиваю, как ты в своем жидком состоянии умудрился ее не убить. Пока ты ходил, мы с таксистом попытались поставить на ноги Хагена, но потерпели полное фиаско. В итоге бедный мужик, выгрузил тело и был таков, а ты потом помог дотащить его до постели и раздеть.

– Я раздевал Хагена? – округлил я глаза.

– Лично, – хихикнула Крис. – Хотя я просила тебя не трогать его и подождать, пока я приготовлю вам с Мари спальни. А вот на Мари у тебя сил уже не хватило, ты вырубился рядом, нежно сгребя ее в охапку. Я пыталась тебя перебазировать в другую комнату, но ты наотрез отказался уходить от «своей девочки».

Я с испугом посмотрел на Крис:

– Я так ее называл?

Она тряхнула белокурой головкой.

– А Мари?

– Что Мари? Мари спала сном младенца. Дэн...

– М?

– А у вас с ней отношения?

– С чего ты взяла?

– Ты вчера вокруг нее крутился как черт около грешной души. Ее имя у тебя с языка не сходило. Ты скажи, не бойся. Знаешь же, что я не болтлива.

– Крис, она жена моего брата.

– Дэн, твой брат женат на другой девушке, а о том, что ты на Мари смотришь телячьим взглядом, знают все вокруг.

– Я отношусь к ней как к сестре. Это тоже все знают. К тому же у меня есть девушка, я счастливо с ней живу уже полтора года, и меня все устраивает, – отрезал я строго. Надо пресечь все сплетни на корню, иначе потом не отмажешься.

– Кристина, прости, ты не видела мой телефон? – разда-

лось тихое за спиной. И у меня горло сжалось, а в груди все похолодело. Я боялся обернуться.

– Он в гостиной на столе у телевизора. Шарлотта звонила, я сказала, что вы все у нас, – махнула рукой жена Хагена.

– Спасибо.

– Она волновалась.

– Сердилась?

– Нет, просто переживала. Сьюзен тоже звонила, Дэн. Искала тебя.

Почему-то именно в этот момент я меньше всего хотел знать, что Сью звонила. И совсем я бы не хотел, чтобы об этом знала Мари. Я опустил голову на перекрещенные руки. Не понимаю, что со мной. Я хочу видеть ее постоянно, и я боюсь находиться рядом с ней, боюсь, что кто-то узнает, как сильно я хочу ее видеть. Надо будет спросить у Хагена, что я вчера нес. Может хоть он помнит...

– Иди завтракать, – позвала Кристина Мари к столу.

– Спасибо, я дома поем, – ответила та. – Малыши остались на маме Дэна. Они очень рано встают и любят покапризничать по утрам. Не думаю, что Шарлотта пришла в восторг от моего загула.

– Шарлотта ничего не сказала. Ее только волновало все ли с вами в порядке. Когда я сказала, что вы спите и не хочет ли она, чтобы я вас разбудила, она сказала: «Нет-нет, пусть спят».

Руки Мари опустились мне на плечи. Она осторожно по-

гладила меня и ласково спросила:

– Дэн, ты случайно опять не поедешь мимо дома мамы? Или мне лучше вызвать такси?

– Мари, побудьте у нас, – попросила Крис мягко. – Я тысячу лет вас не видела, и Хаген обидится, что вы удрали без него. Тем более, это, конечно, только мое мнение, вам с Дэном надо прийти в себя. Я бы не рискнула с перепоя показаться на глаза родителям своего мужа, – она скорчила страшную рожицу. Мы рассмеялись. – Но дело твое.

– Да, давай еще часок посидим, – попросил я. – Можем же мы еще не проснуться, а?

– Тебе кофе с сахаром? – улыбнулась Крис.

Мари плюхнулась на стул рядом со мной:

– Ну ладно, спим, так спим. Но с матерью будешь сам договариваться.

– Как скажешь, женушка, – ехидно подмигнул я ей.

Глава 5

– Как я выгляжу? – Мари крутилась перед зеркалом в спальне, нервно одергивая узкую юбку-карандаш.

– Ты божественна, – искренне похвалил я ее серый офисный прикид. Мими, сидящий у меня на руках, заметил тоннель в ухе и тут же вцепился в него цепкими пальчиками, резко потянул на себя, чтобы попробовать на вкус. Я вскрикнул от боли. Мари мгновенно оказалась рядом и спасла мою мочку от разрыва.

– Нельзя! – погрозила она ребенку пальцем. – А то Дэн больше не возьмет тебя на ручки.

Мими смешно засмеялся и опять потянулся к моему уху. Фрау Ирина хотела забрать у меня ребенка, но я не отдал. Алекс, надув губки, следил за мамой.

– Кажется, кое-кто вам устроит сегодня представление, – улыбнулся я.

– Не страшно. А мы с ним в игрушечки поиграем. Да, Сашенька? – засюсюкалась фрау Ирина с ребенком. Алекс сдвинул бровки. Сейчас точно заорет.

– Герр Даниэль, давайте я пойду с детьми гулять, а фрау Мария спокойно соберется.

– Думаете, так будет лучше? – тревожно посмотрела на нее Мари.

– Главное, чтобы вы сами не волновались.

Мари тяжело вздохнула, перевела на меня по-щенячьи несчастный взгляд и пробормотала:

– Я целый день их не увижу.

Я пожал плечами, пытаюсь самостоятельно выпутать пальцы ребенка из моего уха. Мари с улыбкой мне помогла. От нее пахло чем-то очень вкусным, цветочным, свежим. Так бы и нюхал весь день.

– Разве я не предлагал тебе вернуться на студию? У тебя был бы свободный график, часть работы ты могла бы делать дома.

– Посмотрим. Мне нужна смена обстановки и людей. – Мари гордо вскинула голову: – У меня начинается новая жизнь.

Я протяжно выдохнул и закатил глаза. Черт, Михи оторвет мне мочку!

Фрау Ирина забрала детей и спустилась во двор. Мари еще поскакала в одном сапоге по дому, то позабыв шарфик в комнате, то проверив, все ли она оставила детям, то три раза проверив, правильно ли написала телефоны. Я терпеливо ждал ее в прихожей на пуфике. Она переехала в эту квартиру полтора месяца назад. Решение, которое я искал больше месяца, пока моя Мари жила у мамы, оказалось простым – ее надо было выставить работать. Просто выставить работать. Проблему с трудоустройством решил Клаус. Мы как обычно напились в нашей небольшой компании (только уже без Мари

и мордобоя), а на следующий день Клаус дал мне телефон какого-то своего дальнего родственника, с которым мне надо было связаться и поговорить о должности для Мари. Родственник оказался генеральным директором информационного агентства русской службы новостей. Я даже присвистнул от удивления. Нет, я знал, что у Клауса были какие-то связи с русскими или около того, но чтобы вот так... Похоже, этот человек навсегда останется для меня загадкой. Вроде бы знаешь о нем все, а потом выясняется, что не знаешь ничего. Через неделю мы с Клаусом подъехали в огромный офис «Русской службы новостей» в Берлине на встречу с Ральфом Михальски, обсудили все детали новой работы Мари, и тот дал добро. Правда, с зарплатой вышел серьезный косяк. Денег Мари обещали платить мало. Прикинув, сколько «съедят» налоги, квартира, коммуналка и няня, я, недолго думая, удвоил сумму. Честно говоря, если бы не Клаус, герр Михальски послал бы меня очень далеко. Мы договорились, что каждый месяц ей на карточку будет приходить два платежа – заработная плата от ИА РСН и «бонус» от меня, а на собеседовании ей озвучат общую сумму с учетом моих пожеланий. Конечно же, Мари не знала, кто ее «сосватал» на эту работу. Ей позвонили из отдела кадров, попросили прийти на собеседование. В тот день она нервно металась по квартире, рывкала на всех, потом триста раз проверила, хорошо ли выполнила тестовое задание, а через неделю визжала мне в ухо, что ее приняли, что работа крутая, а о такой зарпла-

те она вообще не мечтала. Клаус тогда сидел передо мной в кресле, закинув ноги на стол, и самодовольно улыбался.

«Не боишься, что получишь, когда она все узнает?» – потягивал он лениво пиво.

«А кто ей скажет? Все законно», – подмигнул ему я, откладывая телефон в сторону. Мы подняли наши бутылки и многозначительно переглянулись.

С квартирой тоже решилось все быстро – то, что я не мог найти на протяжении двух месяцев, вдруг появилось в предложениях. Рядом был большой круглосуточный магазин, детский садик, больница, сквер и отличная детская площадка. Район тоже был вполне себе приличный. Мари новое жилье очень понравилось. Она обжила его буквально за неделю, трудолюбиво вдохнув в новый дом жизнь и любовь. Отсюда ей было далеко до работы, зато близко до меня и мамы. Она жила как бы между ней и мной. А когда с квартирой все сложилось, пришла очередь няни. Фрау Ирина в России преподавала русский язык в коррекционной школе (что меня поначалу очень напрягло, ведь у нас нормальные дети!), но лет десять назад эмигрировала в Германию. Это была очень милая женщина пятидесяти трех лет, воспитанная, вежливая, благоразумная. Но самое главное, она имела хорошие рекомендации. Мы с Мари месяц проверяли новую няню – установили камеры по всему дому, проверили ее данные через знакомое детективное агентство, а детективы неделю следили за ней, пообщались с ее бывшими работода-

телями. Фрау Ирина была безупречна, быстро сдружилась с мальчишками и очень нравилась Мари.

– Дэн, а если что-то случится с детьми? Если она не уследит за ними? – заломила Мари руки.

Я безразлично пожал плечами:

– Слушай, это было твое решение – выйти на работу. Со своей стороны, я сделал всё, что мог.

– Ты что! Я не могла отказаться от такого шанса! Это очень солидная компания и зарплата более чем достойная. Мне предлагали в два-три раза меньше, я думала, что это хорошо. Я и рассчитывать не могла, что они меня возьмут.

– Я готов платить тебе больше, ты же рогом уперлась. Что теперь ты от меня хочешь? По поводу детей не волнуйся. У меня все веб-камеры отсюда подключены на рабочий компьютер, я в любой момент могу увидеть, что происходит дома и хорошо ли обращаются с близнецами. На работе освоишься, подумаем, как тебе тоже эту фиговину подключить. Не хочу, чтобы тебя что-то отвлекало от работы. Тебе надо показать себя. – Иначе не сносить Клаусу головы, а потом и мне.

– Да-да, – закивала она, подкрашивая губы. – Позвони мне, ладно?

– Мы опаздываем.

Она быстро застегнула молнию на сапоге, повязала шарфик.

– Я так давно нигде нормально не работала, что ужасно

волнуюсь.

– Все будет хорошо. Если тебе там не понравится, ты всегда можешь вернуться на студию.

– Просто я никогда не была редактором новостей.

– Заодно и потренируешься, – рассмеялся я, выпроваживая ее из квартиры.

– Ты заедешь вечером? Вдруг я задержусь, – беспокоилась она, спускаясь по лестнице.

– Обязательно. Наш вечерний ритуал никто не отменял. Должен же кто-то целовать тебя на ночь, пока дети не выросли.

– Думаешь, они будут целовать меня на ночь?

– Я бы тебя целовал и по утрам, – рассмеялся я, открывая двери машины с брелка.

– Через год, если все нормально будет, куплю себе машину, – завистливо посмотрела она на водительское сидение.

– Лучше велосипед. С такими пробками только на велосипедах ездить.

– Может мотоцикл?

– Точно! Убиться еще не хватало и оставить детей сиротами.

– Я осторожно вожу, – гордо вздернула она носик.

– Я помню. Ты уже однажды на своем мотоцикле мне брату чуть не убила.

– Это не я. Он сам навернулся.

– Мари, давай фантазировать на какие-то другие темы.

Средство передвижение должно быть надежным. Никаких мотоциклов. В крайнем случае, велосипед. Его я тебе хоть к вечеру подгоню.

– Зануда, – фыркнула она.

– Хочешь «Смарт»?

Она одарила меня уничижительным взглядом:

– Издеваешься? Это же инвалидная коляска с крышей.

– Зря ты так. Очень надежная машина.

– Там помещается только один ребенок.

– А вот это уже аргумент.

Я не звонил ей целый день, мучительно наблюдая, как стрелки часов замерли на месте. Я видел, как фрау Ирина покормила детей и уложила спать после прогулки. На улице было удивительно мерзко и хмуро. Листья с деревьев почти облетели, моросил дождь, а небо затянуло свинцовыми тучами. Я улыбнулся. Хорошо, что у меня есть эта система наблюдения. Если задержаться на работе, я смогу увидеть Мари. Буду знать, что она делает, чем живет и увлекается, когда никто не видит. Я буду видеть, когда она ложится спать и даже как моется... Это как иметь шапку невидимку и незримо присутствовать рядом с человеком, которого любишь. Жаль, Сюзен не оценит мои задержки на работе. Пока мы пишем новый альбом для моих ребят, я могу зависнуть на студии на всю ночь, не вызывая подозрений. Собственно, моего круглосуточного присутствия группе не требуется, все спорные моменты мы можем обсудить в рабочее время, но

ведь Сю этого знать не обязательно. Поэтому после работы я, как и раньше, заезжаю в гости к Мари, мы вместе занимаемся детьми, купаем их, кормим, укладываем спать, потом болтаем на большой и уютной кухне за чашкой вкусного чая с плюшками, которые повадилась печь Мари специально к моему приезду. Теперь-то о плюшках можно забыть...

Хмурые осенние дни летели, сменяя друг друга. В моей жизни наступило рутинное перетишье. Дом – Мари – работа – Мари – дом. Я приезжал к ней утром, незадолго до прихода фрау Ирины. Мари носилась по дому и одевалась, я возился с детьми, которые начали меня узнавать и радоваться моему появлению. Я был для них Тя. Что означало это загадочное слово никто не знал, но мне нравилось, как мальчики наперебой звали меня Тя и наперегонки ползли ко мне по мягкому ковру. Потом подвозил ее до работы, ехал на студию, работал, а вечером сменял фрау Ирину, если мой мелкий трудовголик задерживался или оставался на дежурство. В какой-то момент я понял, что это неправильно уходить от нее ночевать к другой женщине. Но Мари не давала поводов моим фантазиям переступить черту, а я очень боялся спугнуть ту хрупкую связь, что между нами возникла. Она не готова пока, я чувствовал это. Да, ожила, да, стала улыбаться, кокетничать и заигрывать со мной, как раньше, когда мы жили все вместе и она еще любила моего брата. Работа действительно помогла ей – она стала тщательно следить за собой, обновила гардероб, сделала стильную прическу, но самое главное

— в глазах появился блеск, а речь стала живой. Она с радостью делилась со мной новостями, советовалась, сливала информацию по ближайшим конкурентам, частенько ставила в ленту новости по моей группе. У нее изменилась походка и осанка. Больше не было опущенных плеч и повисшей головы. Гордая, независимая, веселая, чуть-чуть циничная с чужими, и мягкая, ласковая со своими. Моя птичка все больше и больше начинала быть похожей на ту птичку, которую я знал раньше, которую обожал и за которую готов был свернуть горы. Птичка словно восстанавливалась после тяжелой затяжной болезни, меняла оперение, и я ждал весну в птичкиной душе, чтобы попытать счастье. А пока я приручал ее, кормил с рук, чесал шейку и гладил по перышкам. Главное не делать резких движений и все будет хорошо.

С Тилем все было сложнее. Брат не появлялся на студии, не звонил матери и тем более мне. На звонки он отвечал сдержанно, холодно и однозначно. Я не предпринимал никаких попыток помириться с ним, потому что не считал себя виноватым. Более того, я категорически не понимал его позиции. Хорошо, он полностью принял сторону Тины. Я готов был с этим согласиться — она его жена, Тиль охраняет их отношения. Но есть серьезные косяки со стороны этой женщины, надо быть полным идиотом, чтобы не признать этого. Конечно, экспертиза полностью подтвердила нашу догадку о подставе с Югендамтом, и Тине засветил реальный тюремный срок. Мари, дура такая, проявила благородство и не ста-

ла подавать на нее заявление за клевету («Она его жена!»). Тина в тюрьму не попала, а Тилю пришлось раскошелиться на очень крупный штраф. И хорошо зная финансовое состояние близнеца, не могу сказать, что это хоть сколько-нибудь его порадовало, зато можно сказать точно – это нас отдалило окончательно. Более того, «выходка» Мари его почему-то взбесила. Когда я сказал брату, что Мария не будет писать заявления на эту женщину, у него от злобы аж лицо перекосило. Он начал орать, что ему не нужны ее подачки, что все это хорошо спланированная подстава от меня и русской, чтобы унижить его и разрушить их отношения с Тиной. Я не стал слушать его бред, повернулся и ушел. Меня убивало все это. Уничтожало. Тиль всегда был самым близким мне человеком, за которого я готов был и в огонь, и в воду. Я наступал на горло многим своим принципам и желаниям ради него. И что теперь? Брат отделился от меня настолько, что... Эх... Да что уж там говорить теперь об этом... Сюзен абсолютно права – с Тилем стало невозможно общаться. Уж насколько она – мисс коммуникабельность, которая легко сходится с людьми, умеет поддержать любую тему, найти ключик к любому, даже Сью отказалась общаться с новоявленной четой Шенк. Она несколько раз ездила со мной в полицию и суд, но после нескольких попыток поговорить с ними, подняла лапки и отползла в сторону, признав их случай безнадежным. Тиль заперся в своей ракушке и напрочь отказался общаться с нами. Я не узнавал его. Я не понимал его. Я совершенно

потерял с ним контакт. Он стал настолько мне чужим, что я даже не знал, что с ним таким делать. И еще очень хотелось, чтоб это все-таки было просто дурным сном... Который все не кончается и не кончается...

– Дэн, привет! – Я офигел еще тогда, когда увидел, КТО мне звонит. Поэтому принял вызов с осторожностью. Голос брата был спокоен и совсем чуть-чуть приветлив.

– Рад тебя слышать, – на всякий случай показал я ему свою заинтересованность и доброжелательность.

– Ты мог бы ко мне заехать? – обычным тоном. Без злости, вызова, ехидства. Надо пометить этот день в календаре красным маркером.

– Если дело не срочное, то приеду вечером. Но если тебе надо, то могу и сейчас.

– Нет-нет, когда тебе будет удобно, – явно улыбался Тиль. – Буду ждать. Хорошего дня.

Я смотрел на телефон и не знал, что думать. Брат решил помириться? Хочет поговорить? Это очень хорошо! Для закрепления настроения я посмотрел, чем занимаются мои непоседы. Мальчишки возились на полу в гостиной в куче игрушек, а фрау Ирина что-то готовила им на кухне. Дети уже активно ползали и лезли везде, куда могли добраться. Особенно они любили кухню: вытряхнуть из шкафчиков стола все кастрюли, крупы и макароны – наше любимое занятие. На прошлой неделе, пока фрау Ирина подмывала Алекса, Михи добыл пакет с мукой и через пару минут кухня по-

крылась тонким белоснежным слоем муки высшего сорта. Я с интересом наблюдал, как няня выкрутится из ситуации, покажет ли ребенка, что будет делать. Лица женщины я не видел. Она взмахнула руками, осмотрев поле деятельности. Забрала Михаэля, отмыла от муки. Покормила, уложила детей спать. Потом быстро сбегала в магазин (что я, конечно же, не одобрил, потому что она оставила детей на 17 минут одних, а я нервно следил, как бы чего не случилось!), купила новую упаковку муки, ну и убрала кухню. Мари она про происшествие ничего не сказала. Мне тоже. Мы с Мари не стали ругать ее за это, сделав вид, что ничего не знаем. Няня хорошо ладила с нашими мальчиками. Они радовались ей, называли ня (видимо это что-то из русского, потому что Мари просила ее разговаривать с детьми только на русском языке, и это я тоже категорически не одобряю, поэтому говорю с ними исключительно по-немецки!). Они узнавали бабушку, которая очень часто приезжала к ним в гости днем, пока нас не было. С радостью шли на руки ко мне и даже иногда спорили и капризничали, если я одному уделял внимания больше, чем другому. Мальчишки были непоседливыми, любопытными, иногда уставали друг от друга и дрались. Фрау Ирина как-то очень удачно разруливала их конфликты, что-то постоянно говорила, общалась, читала, показывала, играла. Она честно отработывала свою зарплату, а я не мог нарадоваться, что все-таки есть у меня нюх на людей, чувствую я их, не ошибаюсь.

К Тилью я ехал с самыми радужными мыслями. Городские улицы еще не замерли и светофоры приветливо подмигивали зелеными глазами. Я нашел это добрым знаком. Значит, брат меня ждет и у нас есть шанс нормально поговорить и помириться. Я проигрывал разные варианты беседы с ним. Целый день в офисе я только и делал, что разговаривал сам с собой, задавал себе вопросы, отвечал на них, как будто я – Тиль. Я оскорбил сам себя раз десять, раз десять поругался сам с собой и помирился. В любом деле важен настрой – я готов к переговорам, уступкам и примирению. Пообещал себе закрыть глаза на все глупости, несуразицы и не вспоминать про свадьбу и Югендамт ни под какими пытками. Мы помиримся с Тилем, обязательно помиримся, потому что он нужен мне, а я ему. Так было, есть и всегда будет.

– Привет, – улыбнулся мне брат как раньше, открыв дверь. – Я думал, ты позже приедешь. – Он пропустил меня в дом.

– Мы со Сью в кино собирались сходить вечером. Пришлось уйти пораньше, чтобы и к тебе заехать, и к ней не опоздать, – соврал я на всякий случай – вдруг понадобится предлог, чтобы уйти быстро.

– Ммм, – понимающе кивнул Тиль. – Я не задержу тебя. Вот, – он протянул мне какой-то квиток.

– Что это? – глянул я.

– Ей что-то прислали родители. Тина хотела забрать, но ей не отдали, сказали только из рук в руки по предъявлению

документа. Ты же с ней шкуру трешь. Передай.

Я оторвал взгляд от почтового извещения и удивленно посмотрел на брата. Тиль продолжал говорить тем же сладко-спокойным тоном, от которого у меня все внутри обрывалось и начинало кипеть:

– Я хотел выкинуть, а потом пожалел. Собственно, я не обязан ей сообщать. Адресат выбыл, все дела, сам понимаешь. – Настойчивей протянул он желтоватую тонкую бумажку с таким видом, словно этот клочок пропитан ядом. Я не осмелился взять.

– Что с тобой? – спросил тихо, тревожно глядя на близнеца. – Тиль, откуда столько ненависти?

– Я говорю с тобой нормально, – парировал он. Желваки ходят – злятся. Руки скрестил на груди.

– Ты сам себя сейчас отравишь. Тиль, ты же никогда не был таким. Поедем, посидим где-нибудь, выпьем, поговорим. Ребята в стране. Хочешь...

– Не хочу, – перебил резко.

– Тиль, поедем. Ты и я. Мы с тобой давно никуда не выбирались.

– Он никуда не поедет! Тебе же сказали! – требовательно и грозно рявкнула Тина у меня за плечом.

От неожиданности я вздрогнул и отшатнулся.

– Что вы от него хотите все? Решили разрушить наши отношения? Ничего не выйдет! Зачем ты пришел? Чтобы опять оклеветать меня? – Женщина говорила очень громко,

крикливо. Она, подбоченившись, наступала на меня, источая волны гнева.

– Тиль, пожалуйста, я пришел с миром. Я хочу помириться, – схватился я за него как за соломинку.

– Тилли, – заканючила Тина жалобным голосом, состроив при этом лицо профессионального нищего. – Тилли, дорогой, это опять начинается! Что он опять хочет? Посадить меня? Он опять проберется в наш дом и украдет что-нибудь! Почему ты не дал мне написать на него заявление за кражу?!

– Слушай меня сюда! – взорвался я. – Это мой брат! И он сам будет решать, общаться со мной или нет!

– Тилли, он опять! Опять! Опять! Он уже увел у тебя русскую! Он навязывал тебе своих детей! Теперь он хочет разрушить нашу семью!

Брат попытался встать между нами, загородив Тину спиной.

– Тиль! Ради Бога! – взмахнул я руками. – Ты же не веришь ей!

– Вот видишь! Ты сам все слышишь! – показывала она на меня пальцем и орала, как блаженная, то и дело вылезая из-за спины и даже как-то подталкивая близнеца на меня.

– Дэн, я не хочу с тобой никуда ехать, – сквозь причитания Тины произнес брат, против воли наступая на меня.

– Пожалуйста, Тиль! Я тебя прошу! – Пятился я к двери.

– Тилли, ты уедешь, а меня опять заберут в полицию!

– Дэн, я сказал...

– Ты мужик или подкаблучник?! – тряхнул я его за плечи. Тина завопила, будто ее режут. Тиль зло выбил мои руки и открыл дверь.

– Уходи!

– Ты рехнулся! Она же сумасшедшая! Я не оставлю тебя в опасности!

– Он опять, Тилли! Опять! Он опять угрожает мне! Он хочет меня убить! – визжала женщина, обливаясь слезами.

Я испуганно пялился на нее. Мне казалось, что я попал в дурку, где содержали моего зомби-брата и его психически неуравновешенную жену. Тина же была нормальной! Она много месяцев казалась мне вполне себе адекватной. Меня выпихнули за порог. Дверь захлопнулась, едва не ударив мне по лицу. Я так ошарашено и смотрел на филенки перед своим носом нежно-сиреневого цвета, расписанные Мари розовыми и голубыми цветочками. За дверью Тина билась в истерике. Обвиняла меня в убийстве. Тиль что-то ей говорил, но из-за ее ора я не мог разобрать ни слова. Неожиданно дверь распахнулась. Тиль дернулся назад, не ожидая, что я застыну на пороге.

– Тиль давай поговорим хочупомиритьсямнененужнаэта-безумнаяженщина! – выпалил я на одном дыхании, проглатывая буквы.

– Эта безумная женщина моя жена! – заорал он на меня. – Жена, которую ты преследуешь! Что ты придумал на этот раз?! Какую подставу изобрел?! Что ты опять хочешь

украсть?! Какое дело хочешь состряпать?!

Я без замаха двинул ему по скуле. Тиль отшатнулся в дом, прижав ладонь к месту удара.

– Услышь себя, кретин! Какая подстава?! Какое дело?! Эта идиотка сдала твоих родных детей Югендамту! Мы еле еле вытащили их из приюта! Ты чуть не потерял детей из-за нее!

– Он врёт! Врёт! Кому ты веришь?

– Она написала на Мари заявление и «продавала» твоих детей через интернет!

– Убирайся вон из моего дома!

– Этот дом выбирала Мари! Она занималась покупкой! Тут все сделано ее руками! – я двинул кулаком по двери. – Даже эта дверь!

– Это русская все подстроила! Они сговорились!

– Тиль, она тебе лжет! Открой глаза!

– Тилли, ты же знаешь, он не хотел идти на свадьбу! Он придумал, как настроить против тебя родственников! Это все они с русской подстроили!

– Это русская мне мстит! Ты с ней специально против меня семью настроили!

– Тиль! Ты больной?

– Это его дети, Тилли! Он врёт! Он всегда тебе врал! Они смеются над тобой!

– Убирайся! И больше никогда не приходи сюда!

– А теперь они хотят, чтобы меня у тебя забрали! Он все-

гда тебе завидовал! Он хочет меня!

Я захлопнул пасть и уставился на Тину. Ненавижу! Ненавижу!! Ненавижу!!! Каждое ее лживое слово ненавижу! Каждую букву! Каждый ее вздох ненавижу! Я оттолкнул брата и ринулся на женщину с намерением удавить голыми руками. Тиль не дал. Выкинул меня из дома и закрыл дверь. Я пару раз пнул ногой дверь в дурацкий цветочек. Ненавижу, суку! Всей душой ненавижу! Это она! Точно она! Больше никому. Что она делает с братом? Чем опоила? Что она сделала с ним?

– Идиот! – беспомощно заорал я окнам, отойдя немного назад. – Она лжет тебе! Слышишь, ты, идиот безмозглый! Она тебе лжет! Мы с Мари! Ни я! Ни она! Специально не стали писать заявление, потому что она твоя жена! Чтобы эту дуру не посадили! Идиот! Мари до сих пор любит тебя и бережет! Твоя семья любит тебя! Я хотел помириться... Просто помириться... Идиот... – Схватил лопату, лежащую недалеко от окна, где стояли замерзшие и завядшие кусты роз, которые мы посадили с Мари год назад, и швырнул ее в дверь с мерзкими цветочками. Лопата оставила вмятину и отскочила назад, едва не ударив меня черенком. – Идиот, какой же ты идиот, брат... Я ведь хотел просто с тобой поговорить...

Я не рискнул ехать в таком состоянии к Мари. Не хотелось пугать детей своими взвинченными нервами, не хотелось расстраивать Марию рассказом про безумную бабу. Я

позвонил матери и пожаловался на брата. Я матерился, орал, пинал всё, что попадалось под ноги, мотаясь около машины из стороны в сторону. После разговора с мамой, стало легче, но мне срочно требовался какой-нибудь допинг. Я набрал Хагена, молясь, чтобы он был свободен.

– Мне надо выпить! – с ходу начал я, едва он отозвался в трубке.

– В наш кабак?

– Да.

– Сейчас приеду.

К полуночи я ужрался и немного успокоился. Хаген отвез меня домой, сдал на руки Сьюзен и посоветовал не пускать больше к Тилу. Черта с два я теперь к нему на поклон приду. Пусть катится в преисподнюю!

Утром я проспал везде, где только можно, разодрав глаза в начале одиннадцатого. Сьюзен уже ушла в Университет. Я даже помнил, как она меня будила. Наверное, будила... Кое-как собравшись с силами, я заставил себя умыться и побриться. Слава богам, Сью – волшебная женщина и мне не надо следить за своими вещами, я всегда могу открыть шкаф и достать оттуда все необходимое. Крепкий кофе и тост из ржаного хлеба окончательно угробили мой желудок. Ну и черт с ним. При таком настроении мне никакого желудка не жалко. После вчерашнего хотелось что-нибудь сделать. Обязательно плохого. Вот чтобы совсем-совсем плохое.

В офисе я появился в районе обеда в крайне дурном рас-

положении духа. Меня бесило всё, начиная от идиота Тилли и дуры Габи, заканчивая собственным музыкальным коллективом крашенных придурков и бездарей. Я забраковал новую песню, наехал на пиарщика, который не сделал вовремя отчет, разорался на звуковиков, которые плохо свели вчерашний вариант песни. Габи долго сомневалась, стоит ли мне давать корреспонденцию из банка. После чего получила выговор и разревелась. Так, надо как-то себя взбодрить, а то у меня еще десять человек сейчас получают, и повод быстро найдется. Фрау Ирины дома не было. Наверное, гуляет с детьми. Мари я звонить не стал. Я спрятался в кабинете, нашел любимую сетевую игрушку и принялся мочить монстров, представляя каждого из них в виде Тины. Так я увлеченно провел день и к вечеру, перейдя на очередной уровень, готов был полюбить весь мир – замоченных тиномонстров мне хватит на неделю спокойного сна. Все-таки иногда игры помогают справиться с нервами и отвлечься от неприятностей. Я вытянулся в кресле и нажал кнопку селектора:

- Габи, будь любезна, принеси мне кофе.
- Конечно, герр Шенк. У меня есть булочки. Хотите?
- С чем?
- С яблоком.

Я посмотрел на часы на мониторе. Пять вечера, а я еще не ел.

- Тащи.
- Две минуты, – улыбнулась она и отсоединилась.

Потянувшись до приятной боли во всем теле, я решил проверить почту. Не хочу работать. Совсем нет настроения. Посмотрю только письма и поеду к детям. Устал я сегодня.

В дверь тихонько постучали. И на пороге появилась Габриэлла с подносом. Она аккуратно прошествовала ко мне и осторожно переместила тарелочку с булочками и чашку с кофе с подноса на стол.

– Нашел себе новую шляпу? – раздался насмешливый голос от двери.

Мы с Габи удивленно уставились на гостью. Я скрипнул зубами, мысленно представляя, как достаю из-за спины базуку и без сожаления расстреливаю стоящую на пороге Тину.

– Старая-то оказалась ни на что не годной, – парировал я, делая Габи знак удалиться.

Секретаршу не пришлось просить дважды.

– Что тебе надо от Тиля? – Прошла она и села в то кресло, в котором обычно сидел брат. В ней не было ни вчерашнего идиотизма, ни трагизма, ни истерики. Тина была шикарно одета, блестела побрякушками, каждое ее движение было величаво и отдавало какой-то театральностью.

– Я не собираюсь с тобой ничего обсуждать. Пойди вон из моего кабинета.

– Мне кажется, ты забываешься. Это такой же твой кабинет, как и кабинет Тиля. А Тиль мой муж, а значит это и мой кабинет. У вас равные доли в этом бизнесе. Или может быть ты забыл?

– У нас равные доли в этом бизнесе с Тилем, – ухмыльнулся я. – Про тебя там ничего не сказано.

– Значит, будет сказано. Какие проблемы?

Я растянул губы в улыбке.

– Студию ты не получишь. Пошла вон.

– Ты такой грубый, – фыркнула она, забирая мой кофе и откусывая от булочки. – Фу, твоя новая секретарша совершенно не умеет варить кофе. – Она выплюнула наполовину прожеванный кусок обратно на булочку: – Какая гадость.

Я поудобнее устроился в кресле, наблюдая за представлением. Эх, пришла бы она на три часа пораньше, не пришлось бы Габи рыдать, а Тилли краснеть.

– Мне интересно, Тина, к чему все это? Зачем ты так вцепилась в моего брата?

– Я люблю его. Впрочем, тебе эти слова, скорее всего, неизвестны. А может быть ты думаешь, что я позволю тебе и дальше дурить ему голову? Или эта русская шлюха...

– Здесь только одна шлюха. И она сидит напротив меня. У них с Мари была семья...

– Мне не интересна трогательная история твоей подстилки. Я понимаю, тяжело признать тот факт, что твоему брату достается только все самое лучшее. Именно поэтому ты хочешь разрушить наши отношения, да? Подговариваешь семью против него?

– Ты несешь бред, и мы оба это знаем.

– Думаешь, тебе сойдет с рук наша испорченная свадьба

и медовый месяц? Тиль все сделал для тебя!

– Пойди побейся головой о бетонный забор. Ты только себя должна винить в этом.

– Думаешь, я прощу тебе полицию и то унижение, которое я там пережила?

– Не было ни одного дня, чтобы я не вспоминал об этом, – самодовольно улыбался я. – Жаль, что Мари поступила благородно и не засадила тебя за решетку.

– Мари, Мари, Мари! Кругом одна Мари! Ты помешался на ней! Думаешь, если Тиль признает твоих выродков, вам удастся с этого что-то поиметь? Не жалко брату рога наставлять?

– По себе людей не судят.

– Ха-ха, только не надо при мне сейчас изображать из себя невинную овечку. Ты ведь знаешь, что тест покажет именно твое отцовство! И ты отлично знаешь, кто настоящий отец тех детей. Иначе чего ради ты так танцуешь вокруг этой русской? Ты рассчитывал, что Тиль такой дурак, что пойдет на поводу этой шлюхи? Вы же с Тилем одинаковые. Один набор генов, один набор ДНК. Вы думали, что самые умные, всех обманули? Никто не узнает, что именно ты заделал русской детей, думали, Тилли поведется на вашу аферу, стоит ей только приползти обратно и поплакаться, что беременна от него? Признайся, вы ведь уже праздновали победу, да?

– Это дети моего брата. Тебя обманули. И Тиль отлично знает, что является их биологическим отцом. Он сам гово-

рил мне об этом много раз, — ласково сказал я, сладко улыбаясь, а в груди опять все закипало. — Теперь, сделай одолжение, подними свою задницу и исчезни из моего кабинета. Иначе я вызову охрану.

— Нееет, Дэнни, это ты пытаешься всех обмануть. Ты и твоя шлюха. Тиль не спал с ней тогда. Так откуда же она залетела, твоя святая Мария? Неужто непорочное зачатие? — всплеснула она ручками и хлопнула накладными ресничками.

— Откуда ты знаешь, с кем Тиль спал, а с кем не спал? — ухмылялся я.

— Потому что он спал тогда со мной и только со мной! Тиль только мой! Ни твоя русская шлюха, ни ты, ни ваша бледская мать не отберут его у меня.

Злость, живущая в груди со вчерашнего вечера, отчаянно залитая алкоголем, потраченная на подчиненных и успокоенная во время игры, взорвала меня изнутри. Я закрою глаза на оскорбление меня, я сдержусь, если начнут оскорблять Мари, но я порву за свою мать. Злость пружиной вытолкнула меня из кресла. Я вцепился в Тину обеими руками, боясь хоть на мгновение разжать пальцы, потому что тогда я ее ударю. Ударю по-настоящему, по-мужски, и никто меня не остановит. Я с силой сжимал одежду у нее на груди, чувствуя, как под пальцами рвется дорогое колье, как трещит ткань, как стучит ее сердце.

— Никогда... Никогда... Слышишь меня, тварь? — шипел

я, периодически встряхивая ее. – Никогда даже в мыслях не оскорбляй мою мать.

Она орала, царапалась, пыталась вырваться. Я швырнул ее через весь кабинет, словно тряпку. Подлетел и снова схватил за грудки.

– Он хочет меня убить! Помогите! Спасите!

– Еще раз сунешься сюда – выкину в окно! – орал я ей в лицо.

– Спасите!

– Я буду бить тебя ногами до тех пор, пока не выбью все твои зубы! Пока ты не прекратишь хрипеть! Пока из тебя не выльется вся кровь и не вылетят последние мозги, которых у тебя все равно нет! – я снова от злости приложил ее об стену.

В кабинет влетела Габи, Тилли и Карл, дежурный звуковик. Габи испуганно зажалась в угол. Тилли и Карл попытались отбить у меня Тину, но ненависть и злоба все сильнее и сильнее раздувались во мне. Я вцепился в нее как бультерьер в жертву и трепал, трепал, трепал, не в силах разжать пальцы!

– Еще раз влезешь в мою семью! Оскорбишь мою мать! Мари! Тронешь ее детей! Я убью тебя за свою семью! Ты слышала меня?! Я уничтожу тебя за свою семью!

Карл не дал мне ударить по-настоящему. Навалился сзади, скрутил руки. Тилли закрыл собой вопящую Тину, отесняя ее в противоположную сторону.

– Что происходит? – влетел в кабинет Тиль. – Тина! Дэн!

Дэн! Ты рехнулся? Тина!

– Он хочет меня убить! Вы все слышали?! Все! – рыдала Тина, размазывая косметику по лицу. – Вот! Вот! Смотрите! Он порвал ожерелье и чуть не удушил меня! Моя одежда! Вот! Вы все свидетели! Он избил меня!

Я дернулся вперед, но Карл крепко держал меня.

– Успокойся, – приказал он мне в ухо.

– Ты сумасшедший! – завопил Тиль на меня.

– Он сказал, что не даст нам жить нормально! Он сказал, что все сделает, чтобы разрушить наш брак! – жалась к нему Тина, содрогаясь в рыданиях. – Он пытался меня убить! Тилли, Тилли! Защити меня от этого убийцы! Вы все свидетели! Он хочет меня убить!

Я попытался высвободить руки, чтобы уж точно ударить ее.

– Уведи ее! – рявкнул Карл на Тиля.

– Как ты можешь? – кричал мне в лицо брат. – Она моя жена! За что ты так ее ненавидишь?

Я лягнул его ногой в бедро:

– Очнись, идиот! Она разрушает твою жизнь!

Карл оттащил меня подальше от Тины и Тиля.

– Убирайтесь все отсюда! – с коповской профессиональностью распластал он меня на столе, заломив руки за спину. – Габи, Тилли, уберите их! Пошли вон!

Меня трясло от злости. Зубы стучали. Я понял, что не могу дышать, потому что Карл локтем пережал мне шею.

– Отпусти, – прохрипел я.

– Если ты пообещаешь, что больше не будешь ни на кого бросаться.

– Отпусти! – психанул я.

Карл быстро убрал руки и отошел в сторону.

– Что на тебя нашло?

Я потирал запястья и шею.

– Ну и захват, – процедил сквозь зубы.

Карл внимательно следил за каждым моим движением, как будто я псих и сейчас опять на кого-нибудь кинусь.

– Она оскорбила меня, Мари, детей и мою мать. Она сидела и оскорбляла меня. Нас. Всех!

– Это повод набить ей морду, – хмыкнул он с сарказмом и недовольно перекинулся.

– Она хочет отобрать у нас студию.

Карл присвистнул.

– А на хуй она не хочет? Тиль не даст.

– Тиль?! – завопил я не своим голосом. – У Тиля полная ампутация мозга и сознания! Он в коме!

Карл вздохнул:

– Вообще ничего нельзя сделать?

Я еще раз оценил горящую кожу на запястьях.

– Надо подумать. Она получит студию только через мой труп.

– С ней никто работать не будет.

– Здесь вообще никто работать не будет, – мстительно

прорычал я.

Карл улыбнулся и вышел.

– Габи, сделай боссу кофе с коньяком. И побольше коньяка, – услышал я из приемной.

– Я за рулем! – крикнул я секретарше.

– Я безалкогольное! – отозвалась Габриэлла. Ой, ну какая дура! Где она видела безалкогольный коньяк?

Еще минут пятнадцать меня натурально трясло. Я выкурив несколько сигарет, но все равно не отпускало. Габи как-то странно косилась на меня, притащив мне третью чашку кофе.

– Габриэлла, – опять крикнул я секретарше.

Она тут же нарисовалась передо мной, словно стояла за дверью и только и ждала, когда я ее позову.

– Собери людей в переговорной.

Она кивнула, с настороженностью посмотрела мне в рот, видимо ожидая дополнительных распоряжений.

– Это всё.

– Герр Шенк, все собрались, – через две минуты сообщила мне секретарша. Я даже не успел посмотреть, как там мои мальчишки.

Я выбрался из-за стола и решительно направился в переговорную.

Наш небольшой коллектив забился в маленькой комнате, собрав по офису все стулья. Все внимательно смотрели на меня. Габи и Тилли держали наготове записные книжки, что-

бы зафиксировать мои гениальные мысли.

– Я собрал вас здесь для того, чтобы извиниться за произошедшее. Мне очень жаль, что вы стали свидетелями этой безобразной сцены. Эта женщина... – Меня опять затрясло. Я сделал над собой усилие и продолжил: – Эта женщина разрушила семью моего брата. Она поссорила его со мной, родителями, со всеми. Сегодня она позволила себе покуситься на самое святое – мою мать. Она серьезно ее оскорбила. Я вел себя недостойно, не сдержался и повелся на провокацию. Мне очень жаль, что так получилось. Прошу извинить меня.

Сотрудники продолжали смотреть на меня, не шевелясь.

– Дэн, может по пивку? – осторожно подал голос Карл.

– Да, Дэн, давай, – поддержал друга Вольфган. – День сегодня полное говно. Заодно и расслабишься.

– Только без фанатизма и стриптиза на окне. – Я достал из портмоне двести евро. – Габи, Тилли, сгоняйте в магазин. Купите что-нибудь на стол и выпить. Если кто-то хочет, может валить домой. Пусть этот мерзкий день уже закончится.

И я позорно ретировался в свою нору. Надо пройти еще пару уровней и замочить еще десяток тиномонстров.

Все-таки дети – это чудесно! После небольшой попойки на работе, я уехал к Мари, посчитав, что только там могу нормально расслабиться. К тому же она должна была вернуться с работы ближе к часу ночи, поэтому надо было отпустить фрау Ирину домой. Мы возились с детьми на полу в гостиной, играли в лошадку. То есть я был кривой на все

четыре лапы лошадкой, а Михи и Алекс пытались на мне кататься. В итоге дело кончилось тем, что мы с детьми начали табуном бегать на четвереньках из комнаты в комнату, пугая своим лихим видом несчастную фрау Ирину. Когда у старой лошадки кончились силы и она протянула усы, лапы и хвост поперек коридора, Михи забрался ей на живот и обхватил ручками и ножками. Алекс попытался спихнуть брата, но тот крепко держал мое неподвижное тело. Алекс захныкал и уполз от нас на кухню. Я различал их! Это было мое главное достижение! Нам больше не нужны были браслеты и разные комбезы. Я очень четко отличал детей.

– Папа! – четко сказал кто-то сбоку.

– Что? – ошарашено повернулся я к Алексу.

– Папа! – радостно сообщил мне ребенок и... со всей дури засандалил моим грязным ботинком в глаз.

Фрау Ирина суежилась вокруг, прикладывая к синеющему глазу лед. Она охала, ахала, через слово извинялась и что-то кудяхтала на русском, наверное, забыв, что я не понимаю ни слова на этом варварском наречии. Глаз дергало, обжигало льдом. Я чувствовал, как кожа опухает даже под кубиками льда. Близнецы сидели в стульчиках и «ели» кашу, если так можно назвать процесс размазывания еды по столикам и друг другу.

– Вы лучше детей покормите, – посоветовал я женщине, поняв, что ей опять придется мыть всю кухню.

– Как же вы, герр Даниэль?

– Лед я могу и сам подержать, – вздохнул я. – Знаете, я за последние сутки пытался подраться два раза. Никто меня не достал. Никакого вреда мне не причинил. И только восьмимесячный Александр умудрился глаз подбить. Все-таки жизнь очень смешная штука.

– Подраться? – округлила глаза женщина.

– Помните, Мари показывала вам фотографию женщины, которую категорически нельзя подпускать к детям? – Она кивнула. – Это жена моего брата-близнеца, если вы не знаете. Вчера я пытался помириться с братом. Она закатила истерику и начала нести очень обидную для меня чушь. Мы разругались. Тиль, мой брат, выкинул меня из своего дома.

– Герр Даниэль...

– Дэн. Зовите меня просто Дэн. Герр... – я недовольно поморщился. – А сегодня она пришла ко мне на работу и оскорбила мою мать...

– Фрау Шарлотту? – ахнула няня. – Как можно?

Я кивнул.

– Меня от нее оттащил сотрудник, бывший спецназовец. Фрау Ирина засмеялась:

– Знаете, Дэн, это провидение. Вы же хотели выпустить пар и получить по морде? Ну вот. Все ваши желания сбылись. Бойтесь исполнения...

– ...своих желаний, – улыбнулся. Я бы хотел, чтобы мое другое желание сбылось. Только оно не дает мне никаких шансов и надежд.

Домой я уехал до возвращения Мари. Мы искупали детей с няней, уложили их спать, я традиционно рассказал им сказку про злую ведьму и околдованного мальчика, с которым не понятно, что делать и как его расколдовать, о принце, который мечтает о принцессе-несмеяне, но вынужден жить с другой принцессой – очень классной, достойной, но совершенно нелюбимой. И о том, как этот самый принц запутался, нет на него доброй крестной-феи, ну, на худой конец джина из волшебной лампы или хоть какой-нибудь маленькой волшебной палочки. Когда дети заснули, я понял, что тоже выдохся и больше не могу. Оставив фрау Ирине сто евро на такси, я удрал домой, иначе вырублюсь у Мари на коврике в прихожей.

– А еще он назвал меня папой! Понимаешь? Мари, Алекс назвал меня папой! Его первое слово было папа! – рассказывал я Мари по телефону, неторопливо перестраиваясь из ряда в ряд, чтобы повернуть к дому.

– Михи обязательно скажет мама! Михи – мой сыночек! – В голосе слышалась гордость и ревность.

– Я хочу, чтобы и Михи называл меня папой! Ты даже не представляешь, как это круто! Я ушам своим не поверил, когда Алекс назвал меня папой!

– Сильно он тебя?

Я заметил, как за мной пристроилась полицейская машина с мигалкой. Красно-синий огонек неприятно бил по глазам, отражаясь во всех зеркалах.

– Честно говоря, да. У меня даже искры из глаза посыпались. Синяк приличный получился. Никогда бы не подумал, что у детей такая силища!

– Черт... Как же ты теперь?

Машина обогнала меня и начала явно прижимать к обочине.

– Да ладно. Что я с синяками что ли никогда не ходил? Погоди, похоже, от меня полиция что-то хочет.

– Нарушаешь? – забеспокоилась Мари.

– Если только за день они новых знаков не повесили на нашей улице. Я уже у дома. Тут нечего нарушать.

Да, полиция была по мою душу. Они начали тормозить передо мной, явно вынуждая остановиться.

– Я тебе попозже перезвоню, – быстро проговорил я и скинул соединение, отключив громкую связь в машине, а телефон кинув в «карман» на двери.

Из машины вышло двое полицейских и неторопливо направились в мою сторону. Я опустил стекло и приготовил документы для проверки.

– Герр Даниэль Шенк? – еще раз сверил мою личность с правами полицейский.

– Да, это я.

– Выйдете, пожалуйста, из машины.

– А в чем дело?

– Выйдете, пожалуйста, из машины, – более твердым голосом повторил полицейский.

Я заметил, как второй схватился за пистолет, в открытую намереваясь направить на меня ствол. На всякий случай я показал им руки и медленно выбрался из машины.

– Так в чем дело? У меня с собой нет ничего запрещенного.

– Спокойно повернитесь лицом к машине, руки на капот, ноги шире плеч.

– Господа... – попытался возразить я, без особого желания подчиняясь.

– Даниэль Шенк, – его руки проворно начали обыскивать меня. – Вы обвиняетесь в нанесении тяжелых телесных повреждений Тине Шенк, которой вы так же угрожали физической расправой. Вы имеете право хранить молчание...

– Что?! – вырвался я. – Какие избиения?! Спятили?! – Я оттолкнул обыскивающего меня полицейского. – Никуда я с вами не поеду! Я не бил ее!

И в следующее мгновение меня швырнули на капот машины, резко ударив по ногам, разводя их в сторону. Суставы плеч пронзила острая боль. На запястьях щелкнули наручники. В отчаянье я треснулся лбом о капот собственной машины. Господи, ну зачем Карл не дал мне ее убить?

Глава 6

Всю дорогу в участок меня то трясло от стресса, то клинило от обиды. Я изо всех сил пытался держать себя в руках, но получалось плохо. Слава богу, я не пил с ребятами. А то еще и за это бы попало. В голове крутились мысли о побеге. Я представлял, как меня выпускают из машины, я лихо со всеми разделяюсь и убегая. Только дальше идеи убить Тину мысли почему-то не шли.

Машина остановилась. Меня выудили на улицу, с двух сторон крепко взяли за руки и повели в здание. Абсурд, какой абсурд! С Тиной ничего не могло случиться такого, чтобы за мной приехали полицейские! Из офиса она ушла вполне себе здоровой. И тут меня осенило! А если это Тиль ее приложил, а она на меня все свалила? Меня завели в кабинет и усадили за стол.

– Наручники снимите, – буркнул я. Полицейские слишком туго стянули кольца и металлические браслеты пережимали вены на запястьях.

Мужики не шелохнулись.

– Ну или ослабьте немного. Я уже пальцев не чувствую. Пережали всё.

Они стойко игнорировали меня.

– Когда я буду писать на вас жалобу, то обязательно укажу

на это, – пригрозил я. Дебилы.

В кабинет вошел еще один полицейский.

– Даниэль Шенк? – посмотрел на меня.

– Дональд Дак, – фыркнул я.

Он улыбнулся. Положил на стол папку с документами, сам сел напротив.

– Наручники снимите. У меня нарушено кровообращение. Это может привести к необратимым последствиям.

Он оценивающе посмотрел на меня. Потом кивнул одному из полицейских. Тот расстегнул наручники. Я, потирая запястья, развалился на стуле. Нога непроизвольно дергалась, раздражая меня самого.

– Уже поздно, все ушли, поэтому со следователем, которому поручено ваше дело, вы будете беседовать завтра, – раскрыл папочку полицейский и начал перекладывать с места на место какие-то бумажки.

– А можно узнать, в чем меня обвиняют?

– Да, конечно. Вы обвиняетесь в том, что нанесли тяжелые увечья Тине Шенк и угрожали ей убийством.

Он протянул мне ксерокопию какого-то листа с очень некачественным текстом. Телефонграмма из городской больницы. Отлично. «Множественные ушибы и кровоподтеки лица, гематома, ссадина нижней губы, кровоподтек правого плеча, ссадина левого плеча, ЧМТ (?), нарушение координации движения, перелом костей носа (?), астенический синдром. Со слов пострадавшей избита братом мужа Дэни-

элем Шенком». Заебись.

Я почесал затылок.

– Что такое астенический синдром?

– Нервно-психическая слабость.

– Я не избивал ее до такого состояния. Она вполне себе бодро убралась из моего офиса.

– Странно, а вот фрау Шенк утверждает, что вы накануне угрожали ей убийством и даже гонялись за ней с лопатой в доме.

– Не гонялся я за ней с лопатой.

– Экспертиза показала, что на черенке лопаты есть ваши отпечатки пальцев, а зарубка на двери и краска на лезвии имеют одно происхождение. – Он опять протянул мне бумагу. Результаты экспертизы. – К тому же вы уже привлекались однажды за нападение на женщин. – Посмотрел на меня ласково, как на ребенка, который очень неуверенно врет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.